

83.3 (2Рос = Коми) я7

Л27

В.А.Латышева

**Коми лирика
гижӧдъяс
видлалӧм
(классикъяс да
современникъяс)**

1999

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Сыктывкарский государственный университет

В.А.Латышева

**Коми лирика гижӧдъяс
видлалӧм
(классикъяс да современникъяс)**

**Анализ лирического
произведения коми
(классики и современники)**

Учебное пособие

3657380К

Сыктывкар 1999

Латышева В.А. Коми лирика гижӧдъяс видлалӧм (классикъяс да современникъяс) (Анализ лирического произведения коми (классики и современники): Учебной пособие. Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского университета, 1999. 79 с.

Анализ лирики, оценка её – наиболее сложный литературоведческий опыт. Для иных одна лишь стихотворная форма сказанного или смысл зарифмованного – уже лирика. Но это совсем не так, и огромное количество «стихотворений» не отвечает качествам лирики.

Показать важное в лирике, не упустив ни родовых её качеств, ни ценности её стиля – задача пособия. Эта работа поможет найти подход к рассмотрению подлинно лирического произведения и доказать его качество.

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Сыктывкарского университета.

Рецензенты: кафедра методики русского и коми языков факультета начальных классов Коми пединститута; Е.Е.Сафонова – канд. пед. наук, доцент кафедры литературы Коми пединститута.

ISBN 5-87237-191-8

© В.А.Латышева, 1999

© Сыктывкарский ун-т, 1999

Лирика — литературалон сэтшом юкөн, коді велодысьлы и велодчысьлы шедө оз кокниа: либө прозаон висьталоны кывбурлысь “пытшкөссө”, либө юкөны тропьяс да фигураяс вылө. Кызди и быд художества гижөд, кывбурсө колө казавны, адззыны, кывны дзоньнас: став мичнас, выннас (либө гөльлуннас, веськодьлуннас). Кывны сылысь сьолөмө инманлунсө — а тайө лирикалон медся, колана пас! — сійөн и шусьө сійө лирикаон (лиралон струнаяс вылын поэт ворсө, мед вөрзьөдны сьолөмьяс).

Сьолөм вөрзьөдөм кызди лирикалы быгть колө лоны ортсысянь либө пытшкөссянь зэвтчөмөн. Дзөбөм напряжениеыс, гашкө, ёнджык на! Лирикалы быгть колө лоны дженьыдөн. Лирика пыр нин — субъективнөй: сэни ставыс мунөма поэтлөн аслас сьолөм пыр. Став тайө пасыс өттшөтш сөмын и вөчө кывбурсө лирика ногаон.

Дерт, мед лирикасө доньявны, поэтгысь кывсө доньявтөг ог олөй. Гижөдлөн художества кыв пырыс өд ставсө и кылам — төдмалам. Но век жө, медводз, кылам став чувствонас...

Кывлөн озырлуныс, сьолөмьясө инман выныс — гижысь сайын: вермө кө миянлы ассьыс сьолөм сетны, вөрзьөдны миянлысь лов, петкөдны нюм либө синва, — сэки гижысьыс - поэт, кывбурыс — поэзия. Чужан кывлысь “быд пельөс” төдөм, чужан кывйөн некутшөм мыджөдтөг долыда вөдитчөм вөчөны кывбур тэчысьөс поэтөн. Но сьолөмыс кө гижысьлөн тыртөм, көдзыд либө сөмын аснас нимкодьясьөмөн тыр, — сэки лыддысьысьөс некутшөм кывбур оз вөрзьөд. Миянлы төдса ыджыд коми кывбур гижысьяслөн гижанногыс — Тима Веньлөн, Нёбдинса Витторлөн, Сук Пармалөн — лов вөрзьөдана, сьолөмьясө йиджан сямыс. Кызди тайө артмө? Көни кужөмлунлөн пыдө дзөбөм выныс? Мыйла өти, өтувья коми кывйысь артмөны татшөм аслыспөлөс, некодлөнкөдь гижөдьяс?

Поэтлөн олөм вылө аслас видзөдлас, олөмсө кылөм, дерт, зэв жө пыдди пуктантор. Абу кө сійө — олөм гөгөрвоөмыс, йөзөс төдөмыс, мортнога олөм көсйөмыс — нинөм оз артмы, некутшөм поэзия оз ло. Сидзкө, бур лирика — сійө тшөтш поэтыслөн чужөмыс, поэтыслөн мортнога сямыс, олан серыс. Сійөн и сылө войтыр медбур кывбурьяссө, — содтөд сьолөмсө пуктө.

“Програмнөй гижөд” — сійө поэтлөн, гижысьлөн, мортлөн программа: мый ради овны, мый ради олөм пуктыны, мый ради кывбурьяс тэчны. Быд туяна гижысьлы лоө та вылын мөвпавны: мыйла гижа? мый көсья? мый кольө, кор ог ло? Тайө, дерт, тшөтш поэзия йылысь мөвпьяс: мыйла сійө колө? (Төд вылын кутам, мый поэзияон шусьыліс ставнас художества литератураыс. — Белинскийлөн “Разделение поэзии на роды и виды...”). А поэзия кө, — сэни быгть сьолөмкылөмлы ыджыдавны. И мөвпысылы быгть петкөдчыны сьолөмкылөм пыр.

Предисловие

Изучение лирики в учебных заведениях встречает больше трудностей, чем изучение эпоса и драмы. Не исключение — национальные школа и факультет университета.

Признаки настоящей лирики — её глубокая (скрытая или явная) эмоциональность и субъективность. Своеобразие поэта обогащает произведение. Своеобразие манеры поэта требует и особой чуткости к внутреннему миру его лирического героя и языку, который этот мир раскрывает.

В литературе коми есть поэты-классики, до сих пор не переведённые на русский язык или плохо переведенные, когда на другом языке произведение теряет и в содержании, и в форме. В этом случае хочется говорить о лирике поэта на родном языке. Но есть поэты коми, глубину чувствований которых хочется донести и до русского читателя. Реже поэт коми просто пишет по-русски. В результате книжка получилась двуязыкая.

20-30-е годы поражают многообразием и богатством творческих индивидуальностей. Виктор Савин, Вениамин Чисталёв, Николай Фролов, Василий Лыткин создают произведения, ещё очень близкие фольклору, профессионально-зрелые, человечески-глубокие и богатые. Чуткое ощущение жизни, всех возможностей, мечтаний и страданий человека создали лучшее из их лирики — народную песню, живущую до сих пор. Даже программные стихотворения поэтов 20-30-х гг., сопровождаемые задушевной мелодией, сегодня звучат со сцены на родном языке, свидетельствуя о вечности ценностей, за которые репрессированные поэты расплатились своей жизнью.

Новое время — новые песни. Но честность, открытость, благородство идеалов прошлого окрыляют лучших поэтов коми нашего времени, рожают к жизни лирику совершенно иную, но полную тонких человеческих чувств.

Любовная лирика Ивана Куратова

Литературоведение коми сделало Ивана Алексеевича Куратова чуть ли не революционером-демократом и народником. В работах о нем обязательно упоминаются его произведения, посвященные несчастным и бедным, защите народа коми от социальной несправедливости, предсказанию далекого человеческого будущего для коми... Но, пожалуй, никто еще не брался рассмотреть поближе любовную лирику поэта. Любовь к родной земле, к родному языку жила в нём рядом с желанием любви к родной душе.

Любовная лирика И. Куратова насчитывает лишь десяток произведений, и лирический герой — сам поэт, нерешительный, категоричный, недостаточно чувственный, порой ироничный. Может быть потому, что знает, что обречен. Произведения эти кратки. Иногда повествовательны, фактографичны, что сдерживает или скрывает настоящее проявление чувств.

Стихотворение “Кор ме тэкд...” (“Когда я с тобой ночью обменялся поцелуем...”, 1859) — пастораль плавно-мелодичная, неторопливая (в основе её четырехстопный амфибрахий), как бы исполненная ночной тишины. Лирический герой удивленно рассказывает любимой, как заразительно их чувство, как их ночной поцелуй рождает желание любви у всех, кто о нем узнаёт, как он рождает песню и её всюду начинают петь все, кто молод и любим. Звезды говорят об их поцелуе морю, море — веслам, вёсла — рыбаку, рыбак — своей милой, милая — девушкам и парням, — так идет по земле любовь от времен античных (стихотворение — с греческого) до куратовских. Несмотря на то, что стихотворение с самого начала “рассказывает”, оно и таит в себе нежность любви. Эта нежность — и в ситуации (“звезды мерцали на крыше неба”, “вот с неба светлая звездочка упала и сказала морю”, “а синее море всем уже шептало...”). Эта нежность и в сокровенном тоне, который рожден той же ночной тайной, в загадочном очеловечении звезд, моря, вёсел.

(Грецияса поэзиясь)

Кор ме тэкд войн вежем окасьдмн,
Эз некод адззыв меліасьдмбс...
Кодзвьяс еневтын тіркдчисны сьмын,
Но эз повзьд кодзув чукёр миянбс...

Со еневтеянь югд кодзув мулань лыйнс
И ми вылб саридзлы сэк висьталіс,
А лбз саридз быдсбилы нин вашкбдіс:
Пелысеяньыс тдіс тайбе чери кыйысь.

Чери кыйысь сьлыс мусаыслы нін
Войшөрвойса мян меліасьдм йылысь;
Ныла-зоньяс велдчисны сьылан сьлысь,
Сьылны пыр карьясын и грездясын!

(Из греческой поэзии)

Как в ночи мы целовались,
От людей мы схоронились;
А от звездочек небесных
Наших ласк и не таили.

С неба звездочка упала
И про нас сказала морю;
Море веслам проболталось;
Рыбаку сказали веслы

Как в ночи мы целовались,
Рассказал рыбак невесте —
И про нас теперь повсюду
Девки песни распевают.

1859

1847

Ритм стихотворения лишь “наполовину” силлабо-тонический (6 стихов начинаются амфибрахимом, 5 — хореем, 1 — дактилем, но кончается каждый ритмически произвольно). Рифма — неточная (во второй строфе — глагольная). Воспринимашь стихотворение как неторопливое эпическое повествование, пронизанное чувствами нежности, удивления, наслаждения красотой ночного морского пейзажа, радостью любви.

Безрифменный дистих “Эг лёбсвёл...” (“Не поледили...”) — памятная записка о ссоре и примирении с милой. Здесь запечатлены год, день, месяц, час и минута, когда это случилось. Лишь восклицание в конце этих “нерифмованных фактов” обнаруживает радостное чувство записавшего их:

Эг лёбсвёл

Сюре кёкьямысё квайтымын вптёд воё,
Августын дас нёльёд лунё, коймёд часын,
Этшаника лёгасылм ми мусакёд.
Сийё воё жё, сы тёлысын, сы лунё
И сы часын, быдса кык минутён сёрджык,
Вёльись бара морта-морткёд бурасим!

1866

Не поледили

В тысяча восемьсот шестьдесят пятом году,
Четырнадцатого августа, в третьем часу
Немного не поледили мы с милой.
В те же самые и год, и месяц, и число,
И тот же час, на целых две минуты

позже —

Нас любовь друг с другом помирила.

Стихотворение “Тэкёд доньясны...” (“Торговаться с тобой...” 1866) — рассудительно-спокойно.

Тэкёд доньясны
Морта-морт вёсна,
Сандра, асьнымён
Ми ог пондё на,
Ышмам, гажёдчам —
Воас жё ёд шог,
Онй мняны
Сыёдз абу мог.
Мед но-й воас шог,
Ми ог вошё-й сэк,
Морта-мортсы гаж,
Бур ань, нндам век.

Торговаться ль, Сандра,
Нам с тобой, родная?
Мы еще подобных
Замыслов не знаем.
Горе, может, будет:
Радость не всегда же.
А теперь до скорби
Нет нам дела даже.
Если же пагрянет —
Не зарем в испуге:
Радость жизни, Сандра,
Мы найдем друг в друге.

1866

Лирический герой знает, что с девушкой связывает его не только искреннее чувство, но и взаимное доверие, подобное, видимо, родству. Жизнь состоит не только из веселья, и, когда придет печаль, они найдут радость друг в друге. Это

рассудительное спокойствие как бы не позволяет быть здесь иным чувствам. Оно как бы замещает их или вбирает в себя. Надо сказать, что в стихотворении нет ни одного эпитета, ни одного сравнения. Каждый стих несет лишь прямой смысл сказанного. Рассудительное спокойствие переходит в обращение к девушке, уверенность и увещание.

Стихотворение "Сандра, съёлмшөррöй!" ("Сандра, сердце мое!", 1867), наоборот, метафорично в первой своей половине: "Тяжела моя болезнь, каждая моя кость будто отделена, голова моя разбита". Завершается это восклицание обращением к девушке: "Трудно и тебе любить (буквально: миловать) меня..." Стихотворение - крик, жалоба на трудновыносимую физическую боль от неизлечимой чахотки. "Съёлмшөррöй" (буквально: "середина сердца моего") - фольклорный метафорический образ самого дорогого человека, извечно и широко бытующий в народном причитании, плаче, песне коми. Анафорическое обращение "Сандра, съёлмшөррöй" - крик об утешении, невозможном спасении. Снова и снова произносит эти слова герой, но мысль его и чувства снова уходят в недосказанность - в многоточие:

Сандра, съёлмшөррöй!
Сьёкыд менам висьём,
Быд лы разсьём, торья,
Менам юрчась киссьём...

Сандра, съёлмшөррöй!
Дёзмöдi и тэиö.
Сьёкыд öиi-й тэныд
Мусавнытö менö...

Сандра дорогая,
Нет предела горю:
Косточки распались,
Весь разбит я хворью.

Сандра дорогая,
Надоел тебе я:
Ведь любить такого
Есть ли что труднее?

1867

Да, мысль. В любовной лирике И. Куратова она главенствует над чувством. Осознающий свое место и роль в жизни двоих, привязанных друг к другу, но далеких, поэт сдерживает себя, наверно, зная, что близость его опасна для девушки.

Четверостишие "Ме — философ" ("Я — философ", 1868) вновь иронично: "Дороже многого я ставлю тебя, красавица". Потому и философ - герой, в котором тлеет божья искра. Эта одинокая метафора по-коми создает необычный лирический образ непризнанного таланта: "божья пленка, пенка, укрывшая огонь".

Ме философ этшаника,
Мевын сотчö еплöи кень.
Унаторысь донаджыка
Пукта тэиö, мича энö.

Я немножечко философ,
Божью искру я песу:
Выше множества предметов
Ставлю женскую красу.

1868

В двух строфах "Гейнелöн" ("Из Гейне", 1870) лирический герой среди веселья вспоминает любимую, слыша песню, которую она пела, и в печали убегает от людей в лес, едва разбирая дорогу сквозь слёзы. Стихотворение крайне скупое выражает чувства лирического героя, лишь констатируя его

действия: “Я слышу, я вспомнил, убегаю в лес, вижу дорогу сквозь слезы”. “Заявленное” без тропов, без эмоций не очень волнует, так как оно эпично, лиризм здесь даже не подавлен, он отсутствует.

Гейнелён

Йбзлбн гаж; ме кыла
Тбдса сьыланкыв...
Тбд вылб мем усн,
Коді оз тан сьыв.

Йбзысь вёрб шогби
Пышья бёрдигтыр —
Этша-этш тай адза
Туйсб синва пыр.

(Из Гейне)

Лишь только той песенки звуки
Услышу, что пела она,
Как грудь разорваться от муки
Готова, рыданий полна.

И, темной тоскою охвачен,
Бегу от людей и в лесах
Считаюсь один я и плачу,
Чтоб горе излилось в слезах.

1870

Элегия 1870 г. в русских переводах обозначена первым стихом:

На небе, коль верить гаданьям,
Любому звезда суждена...

Или:

Твердят, что в чаше небосвода
У каждого звезда своя...

Быд мортлбн, шубны туньяс,
Енвевтын ас коззув эм;
Мунисны войяс и луньяс —
Менам эз петкбдчыв мем.

Сы вбсна видзбдиг быд коззув вылб
Откодя долыдлун сьблбмбй кылб,
Сбмын тай найблбн югбръяс
шопдыны
Морббсе некодыр менсьым
оз пондыны!

Быд зонлбн эм, гашкб, вблбм
Мусаыс коркб; а нэм
Бурмбдны-й бурдбдны сьблбм
Абу тай сибма мем.

Сы вбсна видзбдиг быд мича вылб
Откодя долыдлун сьблбмбй кылб,
Сбмын тай кевмысьбм вылб
оз небзыны,
Вбчбдбм юръяснас гоньявмысьт,
лэбзыны...

На небе, коль верить гаданьям,
Любому звезда суждена,
Меня же заветным сияньем
Не дарит, увы, ни одна.

Поэтому каждой звездой
Я был очарован в ночи,
Но душу отрадой живою
Согреть не могли их лучи.

У каждого парня на свете
Любимая есть иль была,
Меня же никто не приветил,
И мира мне жизнь не дала.

С надеждой и нежностью равной
Смотрю я на девушек всех,
Но только молю их бесславно,
Другим они дарят свой смех.

Пары стрóf стихотворения разноударны: / ∪ ∪ / ∪ ∪ / ∪ и / ∪ ∪ / ∪ ∪ / ∪ ∪ /
– трех- и четырехстопный дактиль создает изменчивый ритм. Может быть это песня? Анафора первой и третьей стрóфы содержит вариации: “ Быд мортлбн...”, “Быд зонлбн...”. Анафора второй и четвертой - “Сы вбсна...”, “Сы

вѳсна...". "Откодя долыдлун сьблѳмой кылѳ..." (Одинаково радуется сердце, глядя на звезды и глядя на красавиц).

Элегия может быть воспринята и в ореоле легкой самоиронии героя, хотя грусть его неподдельна.

Метафора в стихотворении сродни тропам народной поэзии: енвевт - крыша бога; долыдлун сьблѳмой кылѳ - сердце слышит радость; бурмѳдны-й, бурлѳбны сьблѳм - задобрить ли, залечить сердце; оз небзьыны - не смягчаются; лѳбзьѳны - улетают (девушки).

Элегия несбывшихся желаний общечеловечна. Трагично предчувствие, знание, что они не сбудутся никогда: колзув... менам эз петкѳдчыв мем - звезда... моя не показывалась мне; шондыны морбѳс некодыр менсьым оз пондыны! - согреть грудь мою никогда не будет!; абу тай сѳма мем - не суждено, видно, мне; гоньявмысьт, лѳбзьѳны... - вытянув шеи, улетают...

Как ни привычно для лирического героя одиночество, оно делает краткой любую радость и отбирает всякую надежду. В конечном итоге стихотворение пессимистично.

Таково же стихотворение "Чужѳмын менам..." ("Кровь моя стынет...", 1875), в котором лирический герой сравнивает себя с одинокой кометой под крышей мира, которой никогда не вернуться туда, где начинался её полет, и никогда не найти покоя.

В лице моем
Остыла кровь,
В сердце лишь
Кипит она, как смола...

Чужѳмын менам
Кѳдзѳма вѳр,
Сьблѳмын сѳмын
Пуѳ кыз сѳр...

Оз долѳд менѳ
Бур ловья морт,
Оз петкѳд серам
Кулысьлѳн орт...

Йѳз костын ѳтка
Ветла, ог сѳдз...
Шѳйтѳ комета
Енвевтын сѳдз.

Мѳдѳдчанинас
Сѳйѳ оз во,
Инасьны меным
Сѳдз жѳ оз ло.

Абу мем ас му,
Абу мем горт,
Югыдын джынъя
Вошѳма морт...

Не радует меня
Добрый человек,
Не улыбнусь я
Душе умирающего...

Кровь моя стынет —
Щеки белы;
Кровь только в сердце
Жарче смолы.

Не улыбнусь я,
Встретив юнца,
Будто я встретил
Смерти гонца.

Между живыми
Места мне нет,
Будто комете
Между планет.

Ей не достигнуть
Цели пути,
Мне же приюта
Здесь не найти.

Где ты, отчизна?
Где ты, семья? —
Наполовину
Я уж не я.

Два сравнения – “кровь, что смола”, “блуждает комета, как я” – соединяют “лед и пламень” в полный контрастов образ человеческой жизни. Быстрый двухстопный дактиль бесстрастно спешит в 5 строфах сказать нам об этих контрастах: холод и жар, живое и мертвое, человек и комета... Нет мне родины, нет мне дома, в мире я потерянный человек...

“Висьё менам морёс...” (“Грудь моя болит и глаза...”, 1875). — стихотворение, в котором поэт с горечью уже прямо говорит, что это не сплин. Он видит, как муравьи работают, коми парень что-то веселое рассказывает девушке. поэта радует все. И снова самоирония:

Ме õг вõйтчы, юяс
Мед мый сэнй-й эм

Висьё менам морёс,
Доймõ менам син;
Дерт, мем шог, а тайõ,
Вокъяс, абу сплин.

Уджалõ-õ, гыõ
Грезд, кыдз кодзувкот,
Сõрõ-õ зон нывлы
Дольд анекдот.

Тайõ важ ног воб
Сьблõм вылõ мем,
Ме õг вõйтчы, юяс
Мед мый сэнй-й эм.

Я не утоплюсь, хотя
Река там есть.

Грудь болит, и сердце,
И глаза с утра;
Грустно мне, но это,
Братцы, не хандра.

Трудятся селяне,
Будто муравьи;
Парень девке шепчет,
Верно, о любви...

Как увижу это,
Вновь душе легко;
Не пойду топиться,
Хоть — недалеко.

1875

Таким образом, мы убедились, что любовная лирика И.Куратова предельно сдержанна, нередко иронична. Лирический герой порой скептически улыбается над своим положением в отношении к женщине.

Ирония в стихотворении может быть заменена фактом, откровенно вызывающим улыбку, или сообщением, рассказом, нейтрализующими ее.

В наиболее богатых эмоцией произведениях (“Когда я с тобой...”, “Сандра, сердце мое!”, “У каждого...”) чувства поэта - лирического героя утончены, образы таинственны, изобразительные средства фольклорны.

В любовной лирике поэта ощущаются чувства, сдерживаемые волей героя. И слова, передающие это состояние, также сдержанны — лиризм скрыт за обыденностью (“Гэжд доньясьны...” - “С тобой торговаться...”) или кроется в многоточиях — в недосказанности. Есть произведения, в которых чувство спрятано за мыслью или вообще неощутимо, — осталась одна мысль.

Общечеловеческое чувство любви в лирике поэта трагично. Это глубоко за- таенный трагизм одинокого человека, осознающего свою обреченность. Любовная лирика И.Куратова пессимистична.

Программные стихотворения Вениамина Чисталёва

У каждого поэта есть произведения разного уровня: средние, рядовые произведения, которым суждено войти в общенародную память, в общенародный фонд литературы, и бесспорные создания искусства, шедевры. Так было и с первыми поэтами народа коми, чьё творчество возникло и расцвело в 20-30-е гг. и в конце 30-х завершилось трагически: среди небольшого количества их произведений есть несколько, до сего дня считающихся самыми высокохудожественными произведениями национальной литературы за всё время её существования.

Вениамин Чисталёв – поэт, зрелый с первых же своих произведений. Не только лирических, но и эпических. В его поэзии есть немало стихотворений конъюнктурных, затребованных в тот период политикой или написанных ради поддержки политики партии. Например: “Коді гөрд му понда олö?” (“Кто за красную страну?”), “Дубинушка”, “19-өд во”, “Важ олөм колльөдөм” (“Проводы прежней жизни”), “Том ёртлы” (“Молодому другу”), “Олан да вылан, Совет Коми му!” (“Здравствуй, живи, Советская земля Коми”), “Юкмөсö” (“В прорубь”), “Му вежандыр” (“Время обновления земли”), “Ленин гу дорын” (“У могилы Ленина”), “Кодарас ми” (“На какой мы стороне”). По объёму эти произведения занимают большую часть наследия поэта. Но по сердечности и художественному качеству не эти произведения привлекают внимание, а совсем другие, – немногочисленные, краткие, эмоциональные. Они исполняются, читаются всем народом, их знает каждый грамотный коми или просто каждый внимательный к художественному слову человек.

В полном смысле слова всенародная популярность лирики В.Чисталёва и объяснима тем, что его лучшие произведения подлинно народны, что язык их во всех своих проявлениях есть язык зырянского села, язык землепашцев и охотников коми, облагороженный учителем, интеллигентом литературно образованным. Язык его поэзии – это цветы и плоды простонародной речи:

Менам кывъясьбй тайö - вир тусьяс;

Менам гижöдьяс - менам сшиваяс;

Кыпыд сьöлöма олан дыръясбй.

Менам ставыс сзи - гижöд-висьтьясас,

Тайö кывъясас - войвыв дзоридьяс,

Кыла ачымöс сийö шыяссьяс;

Сьöлөм дойясöс, мича муслунöс,

Небьд, нормана сьöлөм вөрзьöдöс ...

Сідзи морöсал ставыс чукөрмас,

Мыйöн пасйыштап, вöлисьт личмунас.

Кывзышт, лыдтьясбй, чөскыл корьясö:

Абу прöста сідз найöс лöдöма,

Сэтчö пуктöма, мый меддонаяс.

Так сокровенно, затаённо, немногословно сказано им самим в 1922 году о своём творчестве: кровь и слёзы, радость, цветы севера, боли сердца, прекрасная любовь. “то мягкое, грустное, что трогает сердце”. В подтексте этих метафор - не просто кровь и слёзы. Это состояния, в которых и выражается вдохновение поэта. Не случайно притяжательные формы согревают всё программное стихотворение: “менам кывъясöй” (мои слова), “менам гижöдъяс” (мною написанное), “олан дыръясöй” (мгновения поры моей жизни), “менам ставыс сэн” (у меня всё там), “кыла ачымöс” (слышу себя), “сьöлöм дой-ясöй” (боли сердца моего), “мича муслунöс” (прекрасную любовь мою), “сьöлöм вөрзöдöс” (то, что сердце моё тревожит), “сидзи морöсад ставыс чукөрмас” (так в груди всё накопится), “мыйöн пасйыштан, вöлисьт личму-нас” (когда запишешь, только тогда отпустит)...

Первые слова первого стиха также притяжательны. Всего три фразы в произведении, но они исполнены всех чувств, какими обуреваем поэт, понимающий, что слово его не властно над жизнью, годы его ещё невелики, силы - неизоизмеримы с силой и мощью родной природы. Само название стихотворения “Менам кывъясöй” (Мои слова) и давало начало той большой метафоре, которая лежит в основе стихотворения. Слова творца вмещают в себя и самоощущение поэта: боль сердца, красоту любви. “Сэтчö пуктöма, мый меддонаыс”, - заключает поэт свою мысль-ощущение.

Знаменательны в стихотворении определения: “Кыпид сьöлöма” (олан дыръясöй)- возвышенного сердца (минуты жизни), “мича” (муслунöс) - прекрасную (любвь свою), “небыд, нормана” (сьöлöм вөрзöдöс)- то мягкое, грустное, (что трогает сердце), “чöскыд”(көръяссö)-вкусные (запахи), (мый) “меддонаыс” - (что) дороже всего.

Они касаются отвлечённых, обобщённых понятий: олан дыръясöй, муслунöс, сьöлöм вөрзöдöс, көръяссö, мый меддонаыс.

В языке коми абстракций мало. Вениамин Чисталёв вводит даже слово-неологизм (сьöлöм) вөрзöдöс, так он ощущает недостаток отвлечённых понятий в родном языке. Это новое отглагольное слово естественно и понятно, мягко сопряжено со словом “сердце” и всем текстом. Но адекватно перевести стихотворение на другой язык непросто. Исчезает чувство, хотя слова находятся.

“Ок эськö!” (Ах, если бы!) - восклицал поэт в другом программном произведении о возможностях поэтического слова, об умениях поэта, о его страстном желании выразить полно себя и окружающий мир. Лейтмотивом снова проходит метафора-иносказание: “Эськö сэк дзоньнас жö курышті сывтырйöн!” - Тогда бы всё охватил объятиями! “сыланкыв шыясыс морöсад тырыс дзик-кылö” - песни слова грудь наполняют, слышатся; “зэвтчöма везьясыд - став тушаыд сьылö” - натянуты нити - всё тело поёт; “сьöлöмыд кутлас дзик шогысла потны...”- сердце от горя чуть не расколется; “тöv шöрын сетышті шондлысь югöрсö” - среди зимы дал бы солнца луч; “вөрпулысь шувгöмсö, шорьяслысь чольгöмсö, кайяслысь дзользöмсö вайöди

пель водзö" - леса шум, звон ручьёв, птиц щебетанье приблизил бы к уху; "мортлөн мый сьёлöмын, лов сайын, ывлаын, олöмын, шондиа-муа кост, став муыс пасьтала,- быдлаті кытшовта"- что в сердце человека, в душе, в природе, в жизни, между солнцем и землёй, на всей широте земли, - всё обошёл бы; "оз тырмы сы вылö сёрниным мяня!" - не хватает на это слов у нас! "оз судзсы мортылдөн кывйыс" - не достаёт у человека слов.

Стихотворение предельно эмоционально. Не только в интонациях восклицаний, недоговорённости дело. Сама лексика, условные глагольные формы (верми кö, курышті, вошті ме син водзö, лэбали...), возвышенные понятия (ывлалысь мичлунсö, лов сайын, сьёлöмын), гиперболизированные фольклорные образы (шондиа-муа кост), одухотворённые метафоры (тушаыд сьылö, вöййысьö петны, кыпыда лэбали), анафора (оз), звукоподражание (шувгöмсö, чольгöмсö, дзользьöмсö) делают стихотворение необычно задушевым, сердечным, полным условной модальности: (верми кö висьтавны, верми кö пасьявны, верми кö, вошті ме син водзö, верми кö, вайöді пель водзö, верми кö, киськалі, верми кö, лэбали, верми кö, гижöдö сюркнялі-суйи...).

В этом стихотворении в целях усиления впечатления использованы синекдоха (шыясыс кылö, курыда олöмыяс йылысь), внутренняя рифма (шувгöмсö-чольгöмсö-дзользьöмсö - мичлунсö; лов сайын - ывлаын - олöмын - сьёлöмын), многократная инверсия ("юрын мый, пасьявны", "морöсад тырыс дзик кылö", "мичлунсö вошті ме син водзö!", "дольда сьёлöмысь, здук дырйи серали", "ставсö дзик казытала!"). Четырёхкратный рефрен "Ок, эськö!" каждый раз полон новых эмоций. Это и всеобъемлющее желание, и надежда, и несбыточная мечта, это вера в себя и сомнение. Под знаком рефрена и звучит стихотворение, в котором что ни строчка, то новое чувство, что ни строфа, то новая мысль о призвании поэта человеческим полнокровным языком сказать о красоте мира и многострадальной жизни людей.

20-30-е гг. в литературе коми - золотой век. Когда листаешь газеты и журналы тех лет, бросается в глаза обилие стихотворений о заре новой жизни, о светлом будущем, о славной победе людей труда. Этот пафос был характерен не только для поэзии коми. Декларативна, отвлечённа, полна призывов в эти годы поэзия и других народов. Поэты коми остро почувствовали национальное освобождение. "В первое время нами руководил национальный, а не революционный энтузиазм, ведь языку коми - воля, и всё полилось через край", - вспоминает Виктор Савин о том времени. И В. Чисталёв пишет о 1917 годе, как о годе пробуждения в нём, писателе и гражданине, национальной гордости: "Я впервые по-настоящему с переполненным сердцем начал писать родным словом. Наконец-то успокоилось моё сердце, наконец я свой счастливый талант нашёл. Открылся, проснулся. Нашла себе выход наболевшая боль".

И вот уже в 1921-22 гг. написано стихотворение "Поэзия артмöм" ("Рождение поэзии"). Оно - в ритмах карело-финского эпоса, краткое, в 4 трёхстишиях. Это тихая элегия о существовании поэзии, о поэте, его соотношении с миром, с родиной:

Ог төд, кодї менө чужтліс,
Кодї быдтїс, вердіс-удїс,
Сьывны-мойдны йөзө лэдзліс...

Гашкө, лөзов чөд тусь пиын
Быдми меөй вөр туй дорын,
Да өктїс кудьяс ветлысь-мунысь.

Гашкө, вөр ты пыдөс ваис
Вөлі меным потан пыдди,
Чөж-пөткаыс өввө сьывліс.

Гашкө, вөлі лөня вөрыс...
Меным висьтъяс йөдлөгө
Төлысь югөр чукөрталїс.

Разговор с самим собой, вопросы к самому себе, к родной земле, к её тихому одухотворённому миру. Может, в синей ягоде чернике у лесной тропинки родился и вызрел поэт, и собрал его в наберушку прохожий? Может, вода в глубине лесного озера была ему колыбелью, утка дикая колыбельные пела? Может, тихий лес ... в эхо его рассказов собирал лунные лучи ... Как сказать об этом на другом языке (и в стихах!), не растеряв ритма, поэзии, образов, смысла? Разве возможно? Эти многоточия, паузы, полувопросы, фольклорные синонимические повторы - приложения (вердіс-удїс, ветлысь-мунысь, чөж-пөткаыс), метафора, слитая с синекдохой (төлысь югөр чукөрталїс, чөж пөткаыс өввө сьывліс, өктїс кудьяс ветлысь-мунысь), эти отрицания (ог төд), сомнения (гашкө), выведённые в анафорическое начало строф, очеловечение лесных птиц и леса придадут краткому лиричнейшему стихотворению оттенок глубинной народности. Но они же и создают ту неповторимо-индивидуальную акварель авторского цвета, музыки слов поэта, содержательной формы его творения.

В 1922 г. В. Чисталёв пишет стихотворение, в котором открыто признаётся в пристрастии к старине родного народа.

Өтитор чорыда
Дум вылө усн.
Өтитор пыдө мен
Сьөлөмө цуксен

Пөльяслысь олөмсө,
Выдөмсө налысь
Сьөлөмө пөртны да
Лөсьөдны мойдө.

Мед эськө пыр меным
Мойдны да сьывны,
Важ йылысь висьтавыны
Ас чужан мулысь.

Висьтавыны гижөдөн,
Коми йөз кывйөн
Нэм кежлө пасйыны,
Гижөдө суйны.

При почти полном отсутствии изобразительности (кроме 1 анафорического повтора и 2 фольклорных метафор: “чорыда дум вылө уси”, “пыдö сьёлөмö пуксис”) зарифмованная мысль-желание поэта в подтексте таит большую экспрессию. Чёткий ритм стихотворения заменяет рифму. Лишь редкие строки неточно рифмуются: уси-пуксис, пасйыны-сйюны, гижодён-кывйён). Правда, можно найти рифму внутреннюю: мойдны-сьывны-висьавны, олөмсö-вылөмсö, пöртны-лөсьодны.

Главные слова в стихотворении: чорыда, пыдö сьёлөмö, мойдны, сьывны, важ йылысь, ас чужан мулысь, коми йöз кывйён, нэм кжлö. Уже по ним ясен смысл всего произведения. Он и есть программа жизни поэта, который ощущал сердцем и душой, считал и полагал разумом, что корни народа не должны быть вырваны для новой жизни, что традиции, созданные и накопленные веками, опытом народа, должны сохраняться в родной земле, совершенствоваться, участвовать в новой жизни.

Лирика Виктора Савина

Виктор Алексеевич Савин (Нёдбінса Виттор) - основоположник драматургии коми, начинал как поэт.

Наивно его первое стихотворение "Гёрд звон" (Красный звон) на злобу дня, появившееся в газете. Первая его строфа почти лишена рифмы и ритма, для второй строфы поэт берёт "готовые" глагольные формы, но далее стихотворение снова рифмуется наивно, разговорный слог далёк от ритмического постоянства, но призыв, эмоция не только обрамляют стихотворение, но и пронизывают его, как и повторяющиеся риторические вопросы и восклицания: Товарищ! Ты слышишь?.. Ты слышишь?... Встань, товарищ, и просянись... Товарищ! Дай руку... Идём скорее, пойдём и скажем врагам... Не дадим свою волю... Тогда... светлая заря поднимется снова, светлое солнце украсит нашу жизнь... Товарищ! Ты слышишь, как зовёт на великую славу красный звон?

Вообще - то, может быть, это "малиновый звон", который в православной церкви - самый праздничный, самый торжественный, ведь "родному языку - воля и всё полилось через край", - а в языке коми оттенки цвета передаются с помощью слов "пемыд" - тёмный или "югьд" - светло - красный, например, а рифма здесь этих слов не вмещает... Стихи вырастают из ритма:

- / - - / - - / -	3	/ - - / - - / - -	3	- / - - / - - / - /	4
/ - / - / - / - /	5	- - / - - / - - / - -	3	- / - - / - - / - /	4
- / - - / - - / -	3	- / - - / - -	3	/ - / - - / - / - /	4
/ - / - / - / - /	5	- - / - - / - / - -	3	/ - / - - / - - /	4

Силлабо-тонические размеры перемешаны. Если первая строфа состоит из стоп амфибрахия и хорей, то вторая - из дактиля и анапеста, но в третьем стихе уже не прослеживается ни то, ни другое. То же - в третьей строфе... Но число ударных слогов всюду отлично: в первой строфе - это 3535, во второй строфе - 3333, в третьей строфе - 4444, в четвёртой строфе - 3434, в пятой строфе - 4465.

То, что утрачено в рифмах, навёрстано ритмом. Если читать стихотворение в подражание фольклорному обращению-причитанию, то можно проследить и более отчётливый ритм дольника.

Да, декларация, побуждение, зов - то, ради чего написано стихотворение. Но знаменательно, что в этом первом стихотворении подлинно народного писателя-драматурга уже присутствует, живёт образ солнца, рассвета, зари, такой типичный для первых лет литературы коми и не только коми, - для литературы восточных финно-угров тех лет. (Вспомним пьесу В. Савина "Шонді петігён дзоридз косьмис..." - "На восходе солнца цветок увял...").

Стихотворение "Красный звон" полно неоднородных отчасти рифмующихся глаголов побуждения, обращённых к товарищу: чеччы, пальёдчы, дорйыны лосьёдчы, вай, мунам, ог видзёдлӧ, нинӧм ог виччысьӧ, мунам.

мунам, шуам, кылан” (встань, проснись, готовься защищать, давай, пойдём, не посмотрим, ничего не будем ждать, пойдём, пойдём, скажем, слышишь).

Повторы, иногда троекратные. тэ кылан, мунам, ог сетö (ты слышишь, идём, не дадим), сходно звучащие слова-синонимы и приложения: чеччы да пальöдчы, тiянлы - понъяслы, врагъясöс - понъясöс, олöм - вылöмöс (встань - проснись, вам - собакам, врагов - собак, существительные от глаголов: живём - поживаем), служат усилению впечатления, эмоций, которые владеют лирическим героем.

Это стихотворение - по существу ритмизованная проза, именно в этом его наивность. Но оно подкупает искренностью эмоций, призыва, веры в истинность и чистоту идеалов, свидетельствуя нам о времени надежд, о молодости поэта и литературы, которую он начинает создавать.

“Привет тебе, милая воля! Привет, светлое солнце!...” – и снова знакомый образ в стихотворении В. Савина тех лет “Чолöм” (Привет). И снова призывы: вунöд, лок да сувт, эн повззы, кеж (забудь, иди и встань, не пугайся, посторонись), и снова восклицания... Ощущение праздника движет поэтом: вежа вöля ловзис; гöрд плаг улö, долыд олöм - водзын, водзö знамя нуам (святая воля воскресла, под красный флаг, радостная жизнь - впереди, вперёд знамя несём). Для народа не существует преград: он пойдёт вперёд, победит в мировой революции. “Как роса перед жаром солнца, богачи потеряют силу...”

Мы видим образы обобщающе-условные, абстрактные, неконкретные: муса вöля, уджалысь йöз, гöль йöз, вежа вöля, сьöкыд пöра, долыд олöм, озыр йöз, вын, уна синва, уна вир, нэм, гöль морт, олан дыр, важ олöм, воча сувтысь, знамя, вынйöр (милая воля, трудящиеся люди, бедные люди, святая воля, тяжёлая пора, радостная жизнь, богатые люди, сила, много слёз, много крови, век, бедняк, жизнь, старая жизнь, встающий против, знамя, силы). В те годы поэты оперировали такими образами свободно и легко, не задумываясь над их более конкретным смыслом и не желая как бы его искать. Поэзия им в идеале представлялась именно такой: призывной, одической, категоричной... Во всём стихотворении лишь один живой образ: “Озыр йöзлөн бырö вын, Лысва моз гож водзын”. (У богачей кончаются силы, Как роса перед жаром солнца). Все остальные - умозрительны.

В. А. Савин дорог народу коми тем, что он хорошо его чувствовал и понимал. Он мог “войти” в душу и тело придуманного им и сыгранного Сюзь Матвея - зырянского работягу, мужика-весельчака. Он мог представить себя удалым юношей - “бурлаком”, какие вволю веселятся с девушками на лугах, переплыв на лодке Эжу. Он мог от имени каждого коми откровенно запеть:

Чужи - быдми сьöд вёр шöрын,
Деревнясь пети,
Новлі чорыд сера дөрöм,
Визя гач да кöти.

Родился - вырос среди тёмного леса,
Из деревни вышел,
Носил жёсткую нестриянную рубаху,
Полосатые штаны и коты...

365738¹⁷

Коми республиканская
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В стихах он мог перевоплотиться в юную девушку - светлую звёздочку, которая вышла бы увидеться с парнем, да мать не позволяет, как туча укрывает её...

Он мог говорить от имени несчастной молодой невестки в чужом селе ("Вундём" - "Жатва").

Стихотворения: "Тувсов вой" (Весенняя ночь), "Варыш поз" (Ястребиное гнездо), "Төвсә рыт" (Зимний вечер), "Тутуруту", "Сьёлём кылём" (Песня сердца), "Коми сьыланкыв" (Песня коми), "Аддзысьлан тай" (Встретишься, бывало...), "Веж видз вывті муна" (Иду по зелёному лугу), "Коми море" недаром поются народом. Народное мироощущение, осознание В. Савиным себя кровной частью народа сделали популярной его поэзию в самой широкой массе коми. Даже в годы запрета на репрессированного В. Савина - "буржуазного националиста и врага народа" - песни эти пелись под видом народных. Имя было опасным, но песню никто не мог запретить, она жила, - народ отводил душу с нею в праздник и в горе. Задушевные слова, задушевная мелодия, данная песне самим поэтом-композитором, не требовали рекламы, печати. Они устно бытовали в народе, в каждом уголке края, даже на Коми-пермяцкой земле. А национальное мироощущение в искусстве песни складывается, наверно, прежде всего из соответствия авторского эстетического идеала - народному.

Чем, например, дорого поющему стихотворение "Тувсов вой" ("Весенняя ночь")? Своим элегическим складом, общечеловеческим чувством сожаления о прошедшей молодости, фольклорной образностью коми, повторами, усиливающими печальное состояние лирического героя:

Жугыль сьёлёмён	С грустным сердцем	///- /
Дырря өшинь восьтышта,	Окно раскрою,	/- /- /- /
Нора сьылёмён	В жалобной песне	///- /
Том олёмёс казтышта...	Молодость свою вспомню...	/- /- /- /

Сpondeй в I и III стихе сразу говорит, что перед нами - мелодия, междометие-вдох также подсказывает это. Строфы экономны, но насыщены и сегодняшним чувством, и воспоминанием о чувствах молодости:

Майбыр, сё майбыр,	Счастье, счастье,
Нывгаждырся тувсов вой!	Весенняя ночь девической поры!
Долыд олан дыр,	Радостная пора жизни,
Мыйла тэ мёдысь он во?	Почему снова не придёшь?...

Перевод очень приблизительный. Такие слова, как "майбыр, сё майбыр", "нывгаждырся", "долыд" до конца непереводаемы. В устном народном творчестве и повседневной речи они бытуют широко. Но введённые в стихотворение, они приобретают новый оттенок сокровенного, родного, рождённого вместе с тобой, облагороженного звучанием грустной мелодии.

Стихотворение близко коми своей метафоричностью, многообразием притяжательных форм слов, возможных только в родном языке: вой важ том кадёс кыпёддö, унмёс пальёддö, жугыль сьёлёмён, куסי би киньöй морёсын, кынмёма сьылi гөгөр гартчысь сой, сьёлём измёма (ночь напоминает преж-

нее молодое моё время; пробуждает мой сон; печальным сердцем; погасла моя искра в моей груди; застыла рука, обвивающая мою шею; сердце закамелено)... Чувство печали, грусти, раздумья, размышления с оттенком поэтической интимности охватывают и читателя, слушателя песни. Эти чувства близки каждому, в этом - власть песни.

“Югид кодзув” (Светлая звезда) - пожалуй, самая известная из всех минорных песен В. Савина. Она вся построена на повторах лексических, синтаксических, повторах-обращениях, анафорах, синонимических параллелях. Сама композиция стихотворения - параллель жизни человеческой и природной, вновь повторяющаяся в тексте:

Югид кодзув, петав, петав,
Эзысь кодзув, петав!
Дзирдав, пёртмась вылісянь,
Дзирдав рытъя кыа бөрын!
Петас эськё югид кодзув,
Дзирдалёмён ворсас,
Гудыр кымёр тай оз лэдз;
Вевттьё пемыд эжёс улё.

Муса нылёй, петав, петав,
Зарни нылёй, петав!
Гажод менё, сьёлёмшөр,
Петав рытъя кыа бөрын!
Петас эськё муса нылёй
Кыа бөрын ме динё,
Мамыс тай сійёс оз лэдз:
Видчё, нывлысь вёля кутё.

Обращение к звезде и девушке сближает стихотворение с фольклором, с жанрами плача и причитания. Повторы эту аналогию усиливают, - в фольклорных плачах и причитаниях также многократны сердечные обращения к близким. Притяжательные формы языка подчёркивают эту сердечность: муса нылёй, зарни нылёй (милая моя девушка, золотая моя девушка). В строфах, посвящённых звезде, этих форм нет, потому слова о серебряной звезде холодны, бесстрастны. Тем задушевней следующие, обращённые к любимой. Если в первых двух строфах о желаемом 4 восклицания, то две последние строфы грустно-спокойны: не сбылось. Угасающая мелодия эмоций благотворна для печальной песни. В ней царят целомудрие, ожидание, надежда. Дзирдав, пёртмась, петав рытъя кыа бөрын, югид кодзув дзирдалёмён ворсас, гудыр кымёр, пемыд эжёс, муса нылёй, нывлысь вёля кутё (сверкай, мерцай, выйди после вечерней зари; светлая звезда, сверкающая, играла бы; мутная туча; тёмное покрывало; милая моя девушка; волю девушки держит), - таковы полные экспрессии эпитеты и метафоры в песне.

В стихотворении “Веж видз вывті муна” (Иду по зелёному лугу) тот же четырёхстопный хорей. Мелодия, созданная для него самим поэтом, “диаметрально” противоположна эмоции: радостная, плясовая. Лирический герой (девушка) говорит:

...Меным гажа, сылла – йёкта,
Мича дзоридз водзё ёкта...

...Мне весело, пою - пляшу,
Красивые цветы собираю...

В хорейском стихотворении очень просто рифмуются 4 трёхстишия: ааа, ббб, ввв, ггг, и рифмы эти - тоже как бы бесконечные повторы. Муна -

муна (иду - иду) в обрамлении стихотворения “заявляет” и поддерживает непрекращающееся действие - песня под танцующий шаг.

В стихотворении почти все стихи - отдельные фразы:

...Гортысь пета - рыгтя кыа.

Гортё локта - асья кыа.

...Зарин дзоридз ёдйё ёкта.

...Муса зонлы юркытш кыа.

...Зарин дзоридз вывты уна.

...Из дому выхожу - вечерняя заря.

Домой прихожу - утренняя заря.

...Золотые цветы быстро собираю.

...Милому моему парню венюк плету

...Золотых цветов очень много.

Шесть раз повторено “дзоридз” (цветы), по 3 раза “мича” и “зарни” (красивые и золотые).

В стихотворении нет грустных переживаний, только беззаботная радость, наслаждение бытием. Если в “Югьд колзув” преодолим запрет матери на ночные гулянья, традиционные у молодёжи коми, то здесь нет и намёка на запрет. Состояние счастья и есть единственная эмоция героини стихотворения.

Шутливое “Аддзысьлан тай...” (Встретишься, бывало...) также полно радости, хотя завершается грустным предчувствием уходящей молодости. Из произведения можно узнать, чем занимался на досуге юноша коми, какие радости были ему доступны: собирание грибов в лесах, ловля рыбы неводом, сенокос, силки для дичи... И всюду мог встретить он любимую девушку, обнимая тайком, крепко целовать её, провожать с посиделок после полуночи.

/ - / - / - -

Преобладает глагольная рифма многократных *ветлыгла, ветлыгла, аддзысьла, кутчысьла, вочасьла, кыскагла, окасьла, лэчтасьла, ворслыгла, сьывлыгла, облыгла, казтышитла, сьылыштла* (хожу, прихожу, встречаюсь, обнимаюсь, таскаю, целуюсь, силки ставлю, играю, распеваю, бываю, вспоминаю, пою). Но все 5 строф кончаются словами “кутчысьла”... “окасьла” (обнимаюсь... целуюсь). Оптимизм и состояние счастья для юноши постоянны.

По воспоминаниям современников, сам Виктор был балагуром, шутником, весельчаком. Таков его лирический герой во многих стихотворениях, а также герой знаменитой драматической дилогии. Воспоминания Виктора Савина, его очерки также освещены лёгким юмором, доброй ухмылкой.

Не менее популярна, чем “Югьд колзув”, песня В.Савина “Мича нывъяс”. Раздольная, медленная, сложная мелодия песни, написанная им самим, задушевна, полна радости и - вновь - сожаления об уходящей молодости:

Мича нывъяс Эжва дорё

Лэччисны.

Бурлак зонъяс цывъяс бёрся

Вётчисны.

Пыжё пуксисны, мёдёлчисны сышны,

Горёдисны сьывны.

Зэв гажяа сьылёны.

- Красавицы к Эжве

Спустились.

Добрые молодцы за девушками

Погнались.

В лодки сели, начали грести,

Кликнули петь.

Очень весело поют.

Ещё более сложен - музыкально и стихотворно - припев песни. Произведение полно восклицаний о желании выйти на быстрину, переплыть широкую реку, сильнее загребать, удало править... Счастье жизни, девичий танец, мужской пляс, веселье, непреходящая радость, если бы они не кончались. Но ведь не повторится молодость!... Таков пафос этого стихотворения - песни, полной грусти, смешанной с радостью. В них можно уловить и проследить хоровое начало, диалог, перемежающийся с прекрасными авторскими краткими пейзажами воспеваемой родины:

...Төв ру пöльыштö, мöвкйöдлö ва вы- лын...	...Ветерок чуть веет, качает волна...
Мöдлапöв зэв ылын,	Заречье очень далеко,
Визув ва кылöдö.	Быстрая вода сносит.
...Эжва вуджисны, веж видз ылын до- лыд,	...Эжву переплыли, на зелёном лугу от- радно,
Радлö весиг лолыд,	Радуется даже душа,
Майбырöй, олöмöй!	Счастливая жизнь моя!
...Гажа ворсöны, сьöлöмъясныс бурмö,	- Весело играют, сердца радуются,
Ягын, кылö, юргö	В бору, слышно, звучит
Бöрсянныс йöла шы.	Следом за ними эхо.

Такое представление о молодых летах, удалой силе, неудержимой радости не могло не остаться в народе. Эта сложная савинская мелодия и стих до сих пор живы во всех своих нюансах. Песня звучит по всему краю.

“Коми сьыланкыв” (Коми песня) стихотворно гораздо проще. Автор, используя трёхстопный хорей (/ - / - / - -) спокойно повествует о том, как живут коми, “ломаю” тяжёлую работу, добывая себе пропитание. Но если в это время звучит песня, то сердцам легко. Это грустная песня о жизни.

Поэт использует отглагольные формы и существительные, которые рифмуются в три и пять строф (первые из них звукоподражательны): шувгöмыс, шлывгöмыс, олöмыс - вылöмыс, сьылöмас, кыйсьöмыс, мырсьöмыс, кывтöмыс, бертигöн, перйигöн, сьылöмön, вöчигöн, тэчигöн (гудение, спокойное течение, жизнь, пение, охота, выбивание из сил, сплав, ломая, добытая, пением, делая, строя). Из этих слов складывается образ жизни коми в разное время года, их занятия, представления об их хозяйствовании: охота, лесозаготовки, сплав леса плотами... Песня, унеси горе и печаль, подымай дух коми! - говорит поэт.

Кроме од и элегий у В. Савина есть стихотворения празднично-юмористические. “Тутуруту” - известная всем коми его песня про свадебный пир Марпы и ее жениха Семö. Суть песни - в смешных прозвищах родни, в нелепости пьяных речей за столом и действий после. Жених под конец вдруг спохватывается, что ему надо идти на заячью охоту в Коровий луг и рощу. Гости, однако, продолжают пировать: кто-то пляшет “вниз головой”, кого-то рвёт, кто-то кого-то целует, кто-то поёт под лавкой... Поэт использует просторечные слова и междометия, повторы в угоду мелодии самого поэта.

Жизнерадостная, насмешливая свадьба - праздник всей деревни, - так это и бывало у коми, - заканчивается гротесковой прибауткой о том, как невеста нашла жениха, раскroшившего себя, свои кости на охоте...

Подтрунивает поэт над тем, что выходящая замуж Марпа тем не менее счастлива, что среди дорогой родни - кривые и безносые, хромые и толстые, болтливые и загребушие, что в головах гудит от вина, но кровь играет..., что многие намерены опростать сосуд с пивом... Большой шум, весёлый гвалт сопровождают пир: играют сами себе "ртом", стонут, визжат, бормочут, кричат, пляшут вверх ногами...

Поэт, повествуя об этом, как бы смотрит на всё со стороны и в то же время как бы участвует в веселье, - иначе откуда обо всём знает?

Лёгкое, озорное начало заставляет любого выслушать, дочитать, чем же кончится пир? Эта песня - снова в савинской мелодии - накрепко утвердилась в сознании, в быту коми, как национальный взгляд на любое веселье в народе. Простодушие гостей, естественное самовыражение, ироничные прозвища, смешное поведение во хмелю, - всё по-савински гармонично, добродушно, подходяще любой деревне, любому празднику, застолью коми.

"Чужи-быдми съёд вёр шöрын" ("Родился - вырос среди тёмного леса") - песня - "манифест" коми. Эту строчку и эту строфу, по крайней мере, знает каждый. Песня - и ностальгия по детству, по родной деревне, и элегия по утраченному, невозвратному, безрадостному, но дорогому.

Поэт использует снова любимый размер - трёх-четырёхстопный хорей (/ - / - / - / -). Но мелодия жалобная, грустная, тихая:

...Кага бöрдö, // ачюд бöрдан,

Гораджыка горзан.

Пöжбöм йöлбн // сюрись вердан,

Косджык рузум корсян...

Дитя плачет, сам плачешь,

Громче, чем оно, кричишь.

Топлёным молоком из рога поишь,

Посуше тряпицу ищешь...

Рытын мамö уджысь воас,

Ваяс льöм да öмидз...

Сэтшöм вöли челядь воас,

Казьтывла на öнöдз.

Вечером мама с работы придёт,

Принесёт черёмухи и малины...

Таковы были детские годы,

Вспоминаю до сих пор.

Не изобразительность языка, а сама грустная суть крестьянского скудного детства, переданная в пяти строфах, завоёвывает сердце читателя-слушателя. Это произведение берёт сюжетом. Он обобщённый, таково типичное детство коми прошлого века. А в глухой деревне - и нынешнего.

В нескольких стихотворениях образ доброй, самоотверженной матери греет душу читателя: "Мамöлы", "Тöвся рыг", "Чужи - быдми" ("Маме", "Зимний вечер", "Родился - вырос").

Сьöлöмсянь сини,

Мед зькö шыд

Оліс зэв дыр;

Мед зькö сылы

Олöмыс вылö

Шуд сетас ен...

От всего сердца желала,

Чтобы сын твой

Жил очень долго;

Чтобы ему

На жизнь его

Счастья дал бог...

Это она, несмотря на бедность, отвела его в школу и сказала: "Учись там!"

В сорок лет вернулся сын, вечно вспоминающий свою добрую мать...

Стихотворение также сюжетно. Точнее - "балладно": это послыл к лицу, которому оно посвящено.

"Зимний вечер" - "бытовое" стихотворение, передающее атмосферу крестьянской избы:

Пеша дорын мамё печкё,
Батьё туюн гындё;
Ичёт вокой чачён ворёс,
Чойёй сыкёд зыньгё...

У лучины мать прядёт,
Отец валяет валенок;
Младший брат игрушкой играет,
Сестра с ним ссорится...

И далее стихотворение переключается с первым действием первой пьесы В. Савина "На восходе солнца цветок увял...", где мальчик за столом в той же обстановке читает на непонятном ему русском языке букварь:

Пызан дорын, пемыдыны,
Роч книга ме лыддя.
Зэв досаднё гётөрвотё:
Ог төд, мый и лыддя.

У стола, в темноте,
Русскую книгу я читаю.
Очень досадно, не понимая:
Не знаю, что и читаю.

Та же горечь от непонятых прочитанных уже слов, та же строгость отца и ласковая нежность матери... - Вполне автобиографичны могли быть эти сцены! В стихотворении есть лишь по одной фразе "большой матери" - бабушки, маленькой сестры и, видимо, отца. В остальном перед нами - "пантомима" действий в зимний вечер в крестьянской избе: все заняты делом, голосами ссорящихся малышей и синим дымом лучины заполнен воздух, дым ест глаза, бабушка на печи начинает всем знакомую бесконечную песню - сказку-диалог:

- Бобё, бобё, кытчё ветлін?
- Чожё гуё ветлі...

- Бобё, бобё, куда ходил?
- На могилу дедушки ходил...

Монотонна сказка, монотонна жизнь...

Среди большого количества стихотворений, написанных по социальному заказу: "Ленин", "Октябрь", "Коллектив", "Ударной удж", "Вёр фронт", "Бригада", "Вёр лэдзан частушкаея", "Гёрд флотса сыланкыв", "Вой полюс мян", "Кылёдчан сыланкыв" (Ленин, Октябрь, Коллектив, Ударный труд, Лесной фронт, Бригада, Частушки лесорубов, Песня красного флота, Северный полюс наш, Песня сплавщиков), можно выделить стихотворение "Мельница" (мельница), передающее атмосферу тишины и теплоты в одном из самых нужных деревне строений.

Шоньд рытын юркъялё
Сиктын сыланкыв.
Ёль мельница вугралё,
Изки шы оз кыв...

Тёплым вечером раздаётся
В деревне песня.
Мельница над ручьём дремлет,
Жерновов звука не слышно...

Пейзаж этот прекрасен: "под южным ветром шелестит озимая рожь", "греет лицо земли", "у среднего ручья мельница спит, - ни звука". "Крупный колос красуется, полной головой склоняясь к земле..." "Золотую рожь сжали, смолотили..." "Оживает, шевелится мельница, жернова запели!..."

/ - / - / - -
/ - / - /

Мельница одушевлена: узьö шы ни төв, вугралö, ловзис, вөрзис мельнича - ожила, зашевелилась, спит, дремлет. Одушевлена земля: мулön чужöм гожьялö - лицо земли загорает, греется. Одушевлён колос: тыра юрнас копыртчис - полной головой наклонился. Одушевлены жернова: изки сьылö - гур! - жернова поют...

Жёлтая озимь, южный ветер, тёплый ветер, загорающая земля, колос на солнце зреет, золотая рожь - это тёплые, горячие слова. Произнесены они будто невзначай, но пейзаж, образ родной земли, создаваемый с их помощью, греет душу, радует сердце своей человечностью, тишиной.

“Варыш поз” - “Ястребиное гнездо” – так названо одно из стихотворений В. Савина. В нём поэт хочет противопоставить прошлому народа его настоящее, привычной долгой жизни в холоде и темноте - возрождение и свет, которые надо добыть самим:

Парма пöвстын олöмыйс
Жугыльтчöма сьёлöмьяс:
Жугыль коми войтырлөн
Эз вöв гажа сьылöмьяс.
Парма шöрын варыш поз,
Варыш котыр быдмöны,
Йöзлысь шуштöм сьылöмсö
Парма пöвстысь кылöны.

Ястребы - это молодые поэты, интеллигенты, гармотные люди, их неофициальный союз...

Не только у коми, но и почти у всех восточных финно-угров мотив молодых людей, движущих жизнь к прогрессу, к возрождению дремлющих в народе возможностей в эти годы пробивается в литературе (вспомним перевод Н.Фроловым языковского “Пловца”). Шум леса, посвист северного ветра - “шувгö вөр, кöдзыд войтöв шутлялö”, “будет буря, мы поспорим и по мужествуем с ней...” - противостояние стихии, борьба с ней, победа над ней влечёт молодых ястребов, цель которых - одолеть её:

Парма пöвстын пемыд йöз -
Коми войтыр олöны;
Югыдинö петан туй
Нэм чöж найö корсьöны.

Лэзьбöй, повтöм варышьяс,
Вына бордьяс шеныштлöй,
Джуджыд парма садьмөдöй,
Гажа гажсö петкөдлöй.
Коми йöзс, лэбачьяс,
Веськыд туйöд пудöй,
Жугыль олöм пальöдöй,
Коми мусö югдөдöй!..

От жизни в парме
Погрустнели сердца:
У невесёлого народа коми
Не было радостных песен.
Среди пармы - ястребиное гнездо,
Ястребы подрастают,
Народа печальную песню
Из глубины пармы слышат.

Среди пармы тёмные люди -
Народ коми живёт;
К свету ведущую дорогу
Всю жизнь он ищет.

Летите, бесстрашные ястребы,
Сильными крыльями взмахните,
Высокую парму разбудите,
Весёлую радость покажите!
Людей, коми птицы,
По прямой дороге ведите,
От нерадостной жизни разбудите,
Землю коми осветите!..

В стихотворении была усмотрена крамола. Оно было ступенькой, которая вела поэта к репрессиям, к гибели. Образы “югыдин”, “югдөдöй”,

“югыдлань” (светите, идите к свету) - основные и в этом стихотворении, и в другом (“Зэв нимкодъ съёлёмлы!” - “Так радостно сердцу!”). Но, несмотря на это, слова “коми войтыр” (люди коми), пробуждаемые и ведомые “бесстрашными ястребами” - “повтём варышъяс,” - были поняты как намёк политический...

Стихотворение построено на антитезе тьмы и света, молчания и призыва:

... войвылын. .. шувгö вөр,
кöдзыд вой тöв шутлялö,...
пемыд йöз олöны,
петан туй корсьöны,...
жугыльтчöны съёлёмъяс:
зэ вöв гажа съёлёмъяс.
... варыш котыр быдмöны,
лэзьöй, повтёмъяс
парма садьмöдöй,
гажа гажсö петкöдлöй!
коми йöзöс... веськыд туйöд
нуöдöй, жугыль олём
пальöдöй,
коми мусö юзьöдöй!

... на севере... шумит лес,
холодный северный ветер свистит,...
тёмные люди... живут,
дорогу выйти ищут,...
грустнеют сердца:
не было радостных песен...

...ястребы подрастают,
летите, бесстрашные ястребы,...
парму разбудите,
весёлую радость покажите!
коми... по прямой дороге
ведите от грустной жизни
разбудите, землю коми осветите!

На протяжении 4 строф длятся сумерки. Лишь в 2 последних брезжит свет... Традиционен призыв к просвещению - “к свету”, тем не менее он оказался опасен для поэта.

В стихотворении преобладают глагольные рифмы: сулалö - шутлялö, олöны - корсьöны, быдмöны - кылöны, шеныштлöй - петкöдлöй, нуöдöй - пальöдöй - югдöдöй (стоит - свистит, живут - ищут, растут - слышат, взмахните - покажите, поведите - разбудите - осветите). По смыслу этих глаголов мы снова можем сказать, что это стихотворение их тех, что оперируют обобщениями, не слишком вдаваясь в частности. Можно “варыш поз” счесть символом: группа, сообщество молодых интеллигентов коми - союз гуманитариев, считающих себя призванными изменить жизнь непросвещённого родного народа к лучшему посредством созидания, развития, насаждения культуры: грамотность, газета, журнал, поэзия, атеизм, гигиена...

И это стихотворение тоже пелось. Учителя - первый и главный отряд просвещенцев - были в каждом селе. Они показывали крестьянам спектакли из русской классики. Они были исполнителями первых драм и комедий В.Савина, от них народ узнавал слова первых песен на родном языке. Они вполне имели право причислить себя к “варыш поз”.

Закончим разговор о В. Савине-лирике его кратким пафосным стихотворением:

Зэв нимкодъ съёлёмлы!
Уджавны чужсьöма
Бур лөсьыд кадьясö:
Выль олём доригөн,
Коми йöз садьмигөн.

Так радостно сердцу!
Рождён для работы
В хорошие добрые времена:
Когда куётся новая жизнь,
Когда просыпается народ коми.

Съныштлõй ёнджыка,
Коми бур вокьясõй !
Зильджыка вуджамõй
Сим пемыд ю вомõн!
Югыдлань восьлалõй,
Чорыда тувчалõй.

Гребите сильней,
Коми, добрые братья!
Смелее переплывём
Через ржавую тёмную реку!
К свету тянитесь,
Крепко шагайте.

Вновь призыв, побуждение, радость жизни, уверенность в своих силах, в готовности народа пойти следом, вперёд, к всеобщему успеху, расцвету: нимкодъ сълõмлы, бур лõсыд кадьяс, выль олõм доригõн, садьмигõн, съныштõй ёнджыка, коми бур вокьясõй, зильджыка вуджамõй, югыдлань восьлалõй, чорыда тувчалõй - радостно сердцу, хорошие добрые времена, кование новой жизни, встать ото сна, гребите сильней, коми добрые братья, смело переплывём, к свету крепко шагайте). Почти все слова стихотворения полны экспрессии и пафоса - нейтрального слова нет. Даже "сим пемыд ю вомõн" - "через ржавую тёмную реку" - единственный стих с отрицательными эмоциями - не безразличен, а полон экспрессии.

Стихотворение полно энтузиазма - работать, преобразовывать, ковать новую жизнь для народа. Разве можно усомниться в благородстве стремлений поэта? Разве можно подозревать автора в антинародном заговоре?..

Пейзажная лирика Николая Фролова

Для переиздания произведений Николая Фролова в 1985 г. были выбраны лучшие тринадцать стихотворений. В десяти из них - пейзаж родины. У Фролова он особенно проникновенный, так как обращён и к глазу, и к слуху, почти всегда очеловечен ("Кытысь радейтём"). Он радостный ("Тулыс", "Тувсов дзоридз") и вызывающий раздражение ("Арся зэр", "Мем мустём рудовлун"), он элегично-умиротворённый ("Гожся вой", "Асыв"), иногда - лишь фон для любовного свидания и одинокой рефлексии ("Романс", "Эжва вылын"). Он - ода родине ("Ме бара вои чужан муо") и надежда на то, что вместе с родиной вырастет, созреет и трудолюбивая муза поэзии коми ("Миян муза").

Пейзажную лирику Н. Фролова хочется читать и перечитывать, - так живописны, картинны образы родной природы, так полны затаённой энергии, движения. говорящего много наблюдательному поэту. Самые краткие из них - настоящие шедевры. Например, стихотворение "Гожся вой" ("Летняя ночь").

Лёзов рёмыд. Тёлысь югёр.

Лёнь.

Сю му вылын вёрлөн вуджёр.

Кыа - гёрд шёвк вонь.

Кань моз мургём - узысь юлён мойд.

Гуся сёрни төвкөд сьулөн.

Шоныд лола вой.

Голубоватые сумерки. Луч луны.

Тишина.

На ржаном поле тень леса.

Заря - красный шёлковый пояс.

Как мурлыканье кошки - спящей реки
сказка.

Тайный шёпот с ветром ржи.

Тёплое дыханье ночи.

В кратком стихотворении-картине - богатая звукопись:

лө, рө, тө, чө, лө,

сю, му, ву.

вө, лө, жө.

чө, шө, вө.

му, му, сю.

ся, сё, сю.

шо, ло, во.

Что ни стих, то отдельный образ. отдельная краткая фраза: две из них - о видимом, две - о слышимом. Мало того, в каждом из стихов (кроме третьего) две - три ещё более кратких фразы.

Самый броский образ среди лунной голубизны над синим лесом - "Кыа - гёрд шёвк вонь" - "Заря - красный шёлковый пояс". Он делит пейзаж пополам, как и положено поясу. Сам пейзаж изысканно красив. Лексическая экономность. простота синтаксиса вместе с мимолётным взглядом художника создают красоту затаённых человеческих чувств.

Лөз, югьд. Асыввыв ломзьө.

Кыпөдчө кыа гёрд доп.

Дышпырысь пальөдчө, ловзьө,

Синий свет. Восток разгорается.

Поднимается заря раскалённо-красная.

Лениво просыпается, оживает

Узьомысь садьмёма сён.
Мысьсёдö дзоридзöс лысва,
Кор выльсь чышкё бус рытсь.

Багралö кыасянь ю.
Ва дорын вольсасьö ру.
Ыркыд төв бадь корйөн ворсö,
Вашкөдö: пуксьö нин лун,
Гөгөр гаж, вөтлы зиль ун.
Лэбачён садьмом вөр горзö.
Лённь сиктын, шойччö мудз йёз...
Енэж нин шонди, лёз.

От сна пробуждённая низина.
Роса умывает цветы,
С листьев вытирает пыль вечернюю.

Багровеет от зари река.
У реки расстилается туман.
Прохладный ветер ивы листвою игра-
ет,
Шепчет: уже начинается день,
Кругом веселье, прогони усердный сон.
Птицей кричит проснувшийся лес.
Тихо в селе, отдыхает усталый народ...
Небо уж солнечно, голубо.

Неожиданны образы синего света: разбуженной низины; росы, умывающей цветок; леса, кричащего птицей; солнечного неба. В каждом стихе инверсия выделяет нужное поэту слово. Регулярность этой инверсии тоже создаёт настроение элегической необычности пейзажа.

/ - - / - - / -

/ - - / - - /

Трёхстопный дактиль нетороплив, как сам восход. Всё начинается, всё в настоящем времени, в номинативе и третьем лице, констатируется, фиксируется в картину: сине-голубое, раскалённо-красное, ярко-зелёное, багрово-прозрачное, белое, солнечное, - "Асыв" ("Утро"). - Цвета не "основные", а смешанные, осложнённые яркостью или приглушённостью света.

"Весной" ("Тулысын") начинается сборник:

Зельгö зысь шыён
Гора варов шор,
Ворсö сяркья гыён,
Тюргö изьяс дор.
Шоньд төлөн шоча
Пöльыштлö пöсь му.
Төвлы корйөн воча
Серөктö веж пу.
Енэж кисьтö югөр,
Көдзö шонди сьом.
Дзользьö лэбач чукөр.
Лым кодь еджыд льом.

Звонит серебряными звуками
Громкий разговорчивый ручей,
Играет блестящей рябью,
Стремится мимо камней.
Тёплым ветром изредка
Дышит горячая земля.
Ветру в ответ листвою
Улыбается свежезелёное дерево.
Небо льёт лучи,
Сеет солнце чешую (монеты).
Щебечут птицы.
Как снег, бела черёмуха.

Не сразу бросающиеся в глаза аллитерации создают гармонию стиха. Стихотворение привлекает многообразием весеннего движения в природе. Всё, на чём останавливается взгляд, слух, осязание поэта, движется, действует и тоже ощущает: зельгö, ворсö, тюргö шор; пöльыштлö му; серөктö пу; энэж кисьтö югөр; шонди көдзö сьом, дзользьö лэбач; льом еджыд... (журчит, играет, убегает ручей; выдыхает земля; смеётся дерево; небо льёт свет; солнце сеет чешую; щебечут птицы; черёмуха бела...). Для трёх строф - это

изобилие движения. А движущееся надделено ещё необычными эпитетами, включено в метафорический образ: эзысь шы, варов шор, сяркъя гы, пось му, веж пу, лым кодь льом (серебряные звуки, разговорчивый ручей, блестящая рябь, горячая земля, свежезелёное дерево, снежно-белая черёмуха). Звукоподражательны глаголы - зэльгö, тюргö, дзольгö - и определение сяркъя (звенит, стремится, убегая, щебечут, блестящей рябью играет). Эти бытующие в народной речи слова усиливают её изобразительность.

Две последние строфы - пять законченных кратких предложений с пятью субъектами и действиями. Замечателен лаконизм небольших стихотворений Фролова. Они насыщены деталями, лирическими определениями, действием...

Мы видим у Н.А.Фролова, математика по призванию, утончённое чувство прекрасного. Вот стихотворение "Тувсов дзоридз" (Весенний цветок):

Кор му выв төвсякодь на чорыд,	Когда земля тверда ещё, как зимой,
Оз гажод синтö ывла сер, -	Не радует глаз природы узор,
О, кутшöм дона тувсов дзоридз,	О, как дорог весенний цветок,
Веж дзоридз, томиник да нэр.	Бледно-зелёный цветок, молодой и
Ми аддзам кельдыдник корйысь	слабый!
Сук лапта паськыд гажа сад.	В бледненьком листке его ты видишь
Ми аддзам - матын гожея кад.	Густую листву большого радующего
Ми быдөн - виль петасёс дорйысь.	сада.
	Мы чувствуем - близка жаркая пора.
	Все мы - защитники новых всходов.

В этих двух строфах - полутона и нежные ощущения, чувства, переданные уменьшительно-ласкательными определениями: төвсякодь на, ывла сер, тувсов дзоридз, томиник да нэр, кельдыдник, виль петас (подобна зимней ещё земля, природы узор, весенний цветок, свежезелёный цветок, молоденький и слабый, бледненький, новые всходы). Смысл стихотворения символичен: речь не просто о подснежнике. Речь о молодой, ещё слабой литературе. За первым ростком её - густолиственный, широкий, радующий сад ("сук лапта паськыд гажа сад"). А пока надо защитить молодые всходы... Ни одного намёка нет на литературные всходы, надо ощутить и догадаться, почувствовать мечту поэта и человека - Н.А.Фролова. Олицетворение, очеловечение - распространённый стилистический приём в устной поэзии всех народов. И всё профессиональнее поэты также наделяют неодушевлённые предметы человеческими чувствами, мыслями и речью. Но прелесть лирики в том, что каждый поэт делает это по-своему. И стихотворения только такого поэта имеют успех.

"Кыгысь радейтöм" - задаётся вопросом лирический герой в стихотворении с одноименным названием ("Откуда любовь"). Ему отвечают ветер, солнце, ручей, птица, цветок: это каждый из них рождает любовь.

Атгö төврулы, шондйлы, шорлы!	Спасибо ветерку, солнцу, ручью!
Атгö лбачлы, дзордзалан борлы!	Спасибо птице, цветущему перелеску!
Чужтд радейтöм, шуд чужтд мем...	Вы родили любовь, счастье родили для меня...

Но интересен не этот итог, а сам разговор с природой: откуда взялась любовь? "Аддзи шорлысь тулысын пысьтöм - воча серöктис эзысьон шор:

чужтö радейтöм шорьяслөн гор; аддзи шондільсь нюмъялан чужöм, шондї воча мем: радейтан би... - шондїлөн пи; дзоридз... шуис мем...: - пырис радейтöм дзоридз дук сор; лэбач кызд пу лап йылын... - радейтан гы лэптö колпкай сьылöмлөн шы; тöвру бадь корйөн ворсіс..., вашнитіс тöv: вайи лунвыльсь гусьöник, чöv". (Когда весенний ручей рождался, его серебряный смех мне ответил: любовь - дитя журчащих ручьёв; улыбающееся лицо солнца сказало: любовь - дитя солнца; красный цветок у леса произнёс: любовь - запах цветка; птица в берёзовых ветвях в ответ мне: любовь - от птичьего пения; ветер в листьях ивы шепнул: любовь - я принёс её из дневной страны тайком, молчи...

Этот диалог с пятью главными носителями лесной радости, с пятикратной лексической анафорой и вопросами-ответами и составляет суть стихотворения. Окрашено оно радостными цветами любви: цветами серебряного ручья, улыбающегося солнца, алого цветка, поющей птицы, чуть заметного веяния ветра. Каждый из этих образов сопровождается молодой весенней эмоцией. Стихотворение завершается оптимистично, возгласом счастливого человека, - только он испытывает это возвышающее чувство. Источник любви - родная доброжелательная природа.

Но, как было уже сказано, иногда она разочаровывает лирического героя. Обратимся к стихотворению "Арся зэр" ("Осенний дождь"):

Киссьö-шивгö сьöd синваöн арся зэр.
Мыськö бусöсь, сардмöм, сьöдасьöм му сер.
Тепкö войтва, лыддьö кад.
Бöрдö лысваöн льöм сад.
Кысь и киссьö-шötö помассьытöм зэр?
Шлюпкан кизер няйтöн шыляисе му сер.
Пемыд тупкис, тöбис лун.
Пуксис муö сьökыд ун.

Льёт-шумит чёрными слезами осенний дождь.
Моет пыльную, шершавую, грязную землю.
Капает с крыши, считает время.
Плачет росой черёмуховый сад.
Откуда льёт-валит бесконечный дождь?
Хлюпающей жидкой грязью залило всё вокруг.
Темнота закрыла, запеленала дождь.
Угнездилился на земле тяжкий сон.

И здесь, среди отрицательных эмоций, - необычные образы: "киссьö... сьöd синваöн; мыськö... сардмöм... му сер; войтва... лыддьö кад; бöрдö лысваöн... сад; пемыд... тöбис лун; пуксис... сьökыд ун" (лёт... чёрными слезами; моет... шершавую... землю; капель... считает время; плачет росой... сад; темнота... запеленала день; наступил... тяжкий сон). Если первый образ - из фольклора, из крестьянской речи, то остальные - авторские, олицетворяющие метафоры, итоги наблюденных аналогий. Время настоящее. Лишь в трёх последних стихах действие закончено. Любовь к коротким фразам снова подтверждается. Каждый стих - законченное предложение.

ссьо - сь - си - ся

сько - сось - са - сьо - сьо - сер...

сь - ссьо - ссь -

зэр - сис - сер...

Два из четырёх двустийший полны свистящих аллитераций, имитирующих звук унылого дождя.

“Эн вунёд” (“Не забывай”) - предостерегающее стихотворение. Речь о том, что природа легко ранима, может перестать радовать человека, если он не будет к ней бережлив.

Эн вунёд, - дзоридзалан веж корйыс,

Кор рознас гажодь му бор,

Кор сійос морт оз нетшкы борйыс,

Кор вуждін дзоридзлон оз ор.

Эн вунёд, - бобув зарни сьома,

Кор сьлөн ас вөля эз кус.

А босьтан радейтны мед сөмын,

Сы мичысь кольо кнад бус.

Эн вунёд, - лэбач гажа сьылө,

Кор сійос кывзө шондї, сёрд.

Гаж бырө сьыланкывйысь сьлөн,

Кор сійос ворены кыяс морт.

Эн вунёд некор збыльлун важ:

Көн абу вөля - абу гаж.

Не забывай, - цветка зеленеет лист,

Когда он радуется соцветиями землю,

Пока его человек не сорвёт на поляне,

Пока не оборвёт цветок у корня.

Не забывай, - бабочка в золотой чешуе,

Когда у неё не погасла воля.

А возьмишь, чтобы лишь полюбоваться,

От её красоты на руках останется лишь пыль.

Не забывай, птица весело поёт,

Когда её слышат солнце, перелески.

Она скучает по песне,

Когда её для забавы изловит человек.

Не забывай никогда старую истину:

Где нет воли - нет радости.

Это стихотворение также о воле, о счастье свободы для цветка, бабочки, птицы. Ясно, что и для человека. Свободный человек среди красоты нетронутой родной природы - мечта поэтов коми 20-30-х годов: Н.Фролова, В.Чисталёва, В.Савина. Они воспевали родную землю, её красоту, передавая любовь к ней своим первым читателям, слушателям, зрителям. Это был устный период бытования литературы, период зарождения всего лучшего, что всегда жило в духовной культуре народа. Это было время больших надежд на расцвет талантов.

Илля Вась лирикаын чужан мулӧн пейзаж

Революцияӧн шедӧдӧмторъяс дорйӧм кындзи, сиктын гӧлясӧс озыря-сысь торйӧдӧм кындзи, Илля Васьлӧн не этша кывбурьяс, кӧнӧ сийӧ шыась-чукӧстчӧ кодкӧ динӧ да мыйкӧ динӧ. Позьӧ шуны, мый тайӧ “послание” жанр. “Аристократлы”, “Озырлы”, “Велӧдчысьлы”, “Юр студентьясьлы”, “Ӗртъясьойлы”, “Еджыд ныланойлы”, Сук Пармалы (Н.Фроловлы), И.А.Куратовлы, мездмӧм кывлы, том советскӧй мулы, кодзувлы, сьыланы, часілы...

Кывбурыс Илля Васьлӧн унджык Тима Вень дорысь, Нёбдинса Витторысь.

Илля Вась тшӧтш комиӧдӧс А.Пушкинысь, И.Никитинысь, удмуртыясысь - Ашальчи Оки да К.Гэрдысь, М.Петровысь, латыш Ян Райнысь, финн Эрккоысь, венгр Ш.Петефийсь, немецьяс И.В.Гётеысь да Ф. Шиллерысь, рӧдвуж кывъя войтырлӧн фольклорысь...

Но видлалам асьыс кывбурьясӧ, воысь воӧ, социальнӧй оломӧн ышӧдтӧмъясӧ да вынаджыкъясӧ - збыльвийӧ лирикасӧ. Найӧ пыр нин озырджыкӧсь кывйӧн и серпасаланторьясӧн.

Со “Дзодзӧг” (1917). Витсыс нель строфаын герой чукӧстчӧ “зарни дзодзӧг”, “мича дзодзӧг” динӧ. Шӧр мотивыс - му вылын кольччысь мортлӧн нор сьӧлӧмкылӧм. Муыс “кӧдзыд”, “шог”, “шудтӧм”. Кымын строфа, сымын лӧбачлысь риторика нога юалӧм:

... Кыгчӧ нӧ тэ лӧбзиан?

... Гашкӧ тэныд тани гажтӧм?

... Кӧдзыдысь тэ дзевсян?

... Гашкӧ кодкӧ татысь вӧтлӧ аслад гажа муад?

... Гашкӧ шогсӧ коми йӧзлысь сьӧрсьыд сэтчӧ нуан?

... Чассьӧ ӧнӧ бӧр нин нуан?

“Гашкӧ” кывйыс тӧдчӧдӧ лирика геройлысь гажтӧмтчӧмсӧ, лӧбачлы завидьтӧмсӧ. “Мича дзодзӧг, зарни дзодзӧг” — медводдза повторьяс “дасьтӧны мяняс”, тшӧктӧны кывны, кутшӧм кывбурыслӧн руыс. Кывбурсӧ восьтысь строфаас ӧддрук - куйм риторикаа юалӧм. Мӧдас - кык. Став тайӧ унаысь шудм кывъясыс да юалӧмъясыс быттьӧ ышӧдӧны мяняс, майшӧдлӧны геройкӧд ӧттшӧтш. Сӧмын кык бӧръя строфаыс вочавидзӧныкодъ:

Мича дзодзӧг, зарни дзодзӧг,

Шлывган вывті вылі,

Он кыв менсьым ичӧт гӧлӧс,

Он видзӧдлы вылам.

Мича пӧтка лӧзьӧ водзӧ...

Кымӧр нӧвстӧ дзевсис.

Небесаыс вывті дзодзӧг

Ылі муӧ лӧзис.

Дзодзөгсө йёзкодялёма. “Мича”, “зарни” дзодзөг лэбё “гажа” муё – сымда и эм кывбурын эпитетыс, но найё кыпыдось.

Метафораяс инмёны коми войтырлөн шудё: “шогсё коми йёзлысь нуо” дзодзөг; “эз-ё лэбёдлы сійё татчё шудсё ылі муысь”.

Этша дудалёма чассьё

Онї бёр нин нуан?

1923 воын тайё шогсё Иля Вас водзё нуо “Коми йёзлы” гижёдын:

Коми войтырй, тэнсьыд сьылёмтё

Муртса кылам ми.

Кыа петёмсё, югдан вежбсё

Эн тай казавлы.

Шонді петігін тшыглун көртёдтё

Босьтчыв разявны...

“Шонді петёмлөн” – виль олёмлөн образ паныдасё тшётш тані, кыз Нёбдіна Виттор драмаын. Кылё йёзкостса бёрдодчанкывлөн ритмыс, “гласыс”. Шыёдчём да асалан-притяжательнй форма ёнмёдё сійёс: “коми войтырй, тэнсьыд..., эн тай..., босьтчыв...”.

Водзё муно тайё жё ритмын ошкана кыв чужан мулы:

Волы ю дорё, джуджыд нёрысё, -Гажаньясё.

.....

... Гажа ягьясын, мича пармаын

Тёвьяс увгёны.

Чёс туй бокьясад, сёдз ю пёлёнын

Лысыас шувгёны.

Чужан муса вёрлөн шыяс кылёны кывбурын, комилы дона “лыс шувгём”, “тёв увгём”, “джуджыд нёрысыслён”, “гажа ягьяслён”, “сёдз юяслён”, “мича пармалён” кыпыдлунён йиджтысьёма кывбурыс. Тайё серпасыс абу овтом: сэн комилён “чёс туйяс”, найё вердёны сійёс, найн олё коми, кыз и “сёдз юяслён” сетёмторьясён.

Ичётдырянь – 4-5-ёд классянь – унаён төдёны Иля Васылысь “Мунёны” поэмаыс VI юкён заводитчём. Тайё – Коми мулён ывлавыв и керка пытшкёс эстетика, муса, вунёдлыгём челядь дырся олём, шудсё казыгылём, кага син водзын дона образяслён чужём да олём, мортлён дзолядыр йылысь нэм чёжся сёлём дой:

Еджыдик эшкынй, пукёвй вольпасён

Кыным му вевттысис. Кыналіс ывла выв.

Видза жё тэд, сётём төв!

Додялйё сюсджыка вёв!

Лэбзылйё пармаё несла!

Шутёвтлйё лым кузя вёрё!

Уна додь гыльда кывтё

Югыдик сётём лым вывті.

Чеччы жё, Ёльбксан, чеччы жё, ичётш пи.

Видзёдлы ывлаё гыёртём ёшиньті.

Ывлаыс шемёсён тыр –

Чеччы жё пырысьтём-пыр!

Шаблі сёдз юрсиа Ёльё

Чёдлач лёз синьясё восьтіс,

Тэрыба пѳлатысь чеччис,
Котѳрѳн ѳшиньялань лэччис.

Ывлаыс вежсьѳма — сѳдз дѳра паськѳма.

Ывлаыс вѳчѳма — калинкор дѳрѳма.

Столб вылѳ пуксьѳма кѳч,

Жуйвидзѳ, нинѳм оз вѳч.

— Видзѳдлы, видзѳдлы, мамѳ,

Ывлаыс кутшѳми гажа!

Байдѳгѳн, бобулѳн, кѳчѳн

Енэжсянь кодѳкѳ кѳдзѳ!

Челядыяс чой йылын дадьяѳсь, варовѳсь.

Лэчид зэв серни шы. Чужѳмыс банѳма.

.....

Здук кежлѳ тѳвся лун восьтыліс синьяссѳ,

Видзѳдліс сикт вылѳ — пышйис бѳр сьѳд вѳрѳ.

Паськыда шевгѳдіс сой

Пармасынь быгыльтчис вой...

Тайѳ, дерт, челядырлы ода, — тан дас радпырысь горѳдѳм-
нимкодьясьѳм гажа ывланас, кодѳ чуксалѳ “доддясыны пѳсла”,
“шутѳвтлыны лым кузя вѳрѳ”, видлыны “сѳстѳм тѳвсѳ”, “сѳстѳм лымсѳ”,
“кыпыд пармасѳ”.

Чеччы жѳ, Ѳльѳксан, чеччы жѳ, ичѳт пи.

.....

Чеччы жѳ, пырысьтѳм-пыр!

Повторьяс тшѳтш кыпыдѳсь: чуксалѳны, корѳны нимкодьясыны, а оз
“тшѳктыны” сѳмын.

Ачыс “ичѳт пиыс” — “шабдѳ сѳдз юрсиа”, “чѳдлач лѳз синьяса”, —
став ичѳт коми пиыс татшѳм! Мыйлакѳ пемдѳ тай бѳрас юрси, вушйѳ
син...

“Тэрыба” чеччѳ кага пѳлатысь, “котѳрѳн” ѳшиньялань лэччѳ... — ста-
выс кывбурас олѳ, вѳрѳ, радлѳ: кынмѳм му вѳвттысьсѳ, кыпыдмѳ ывла,
пѳльтѳ тѳв, додьясьѳны сюся, лѳззылѳны пармаѳ пѳсла, шутѳвтѳны
вѳрѳ, додьяс гылыда кывтѳны, ичѳт пи чеччѳ, видзѳдѳ ѳшиньтѳ, ывлаыс
шемѳсѳн тыр, синьяс вѳссѳны, тэрыба пѳлатысь чеччѳ морт, котѳрѳн
ѳшиньялань лэччѳ, ывлаыс вежсьѳма, ывлаыс вѳчѳма, енэжсянь кодѳкѳ
кѳдзѳ, челяд додьясь, сѳрни шы лэчид, тѳвся лун восьтыліс синьяссѳ,
видзѳдліс, пышйис бѳр сьѳд вѳрѳ, шевгѳдіс ассыс сой быгыльтчысь
вой. Сѳмын ѳтнас “кѳч” столб вылын:

Жуйвидзѳ, нинѳм оз вѳч...

Миян водзын — коми сиктын тѳвся шондѳа лун. Югьялысь-
дзирдалысь, сѳстѳм, кѳдзыд вѳр-ва. “Калинкор дѳрѳма” сиктса ывлавыв.
Банѳм чужѳма ичѳтик комияс лѳбалѳны чой вывсянь. “Варыш моз”,
“йѳра моз” — “лѳбалѳ дадь, джуджыд да оз на быр садь!”.

Вѳрасыс серпасыслѳн помтѳм. Унджыкыс сетѳма метафора пыр.
Тайѳ вѳрѳмыс танѳ медьѳна артмѳдѳ йѳзѳн тыр ывлалысь образсѳ, вѳчѳ

сійёс ловьяён, долыдён. Одалы тайё и колё! Кутшёмось серпасас вөр-ва, челядь?

“Еджыдик эшкын, пукёвой вольпась, сёстём тёв, сёстём лым, гылыда кывтёны, шабдї сёдз юрсиа, чёдлач лёз синьяса; сёдз дёра паськёма, калинкор дёрёма, челядыас варовёсь, лэчыл сёрни шы, чужёмыс банйёма, паськыда шевгёдіс”... Быд вежёртас мича, аслыссяма, коми нога. Коми вогёгёрся олёмыс, став коми уджыс тыдалё тайё эпитегьяс пыр: шабдї вёдитём и чёдлач вотём, банйём нянь пёжалём и дёрасё калинкор еджыдлёз вайёдём. Ставыс отсалёма поэты тэчны челядьдыр йылысь тайё кыпыд кывбурёб.

Йёзкогтса экспрессия нуан кывьяс тшётш содтёны образьяслы вын: “шутёвтлэй”, “гылыда”, “жуйвидзё”.

Мортъяммём ывлалы инём абубеськыд: “кынём му вевтгысис пукёвой вольпасьён”, “кыпыдмис ывла выв”, “ывлаыс шемёсён тыр”, “ывлаыс вежсьёма – сёдз дёра паськёма”, “ывлаыс вёччёма – калинкор дёрёма”, “ывлаыс гажа”, “здук кежлё тёвся лун восьтыліс синьясёб, видзёдліс сикт вылё - пышйис бёр сёд вёрё!”, “паськыда шевгёдіс сой, пармасьнь быгыльтчис вой...” – тайё мортъяммёмыс пыр тай метафора ногаёсь.

Ставыс петкёдлё кывбурлён изобразительностьысь озырлунсё. Ставыс тайё артмё нимкодысян, дивуйтчан эмоцияс пыр. Ышёдана кывьясыс “водёны”, “сувтёны”, кытчё колё, кытчё дёсялё налён мича сюрёсыс. Серпас артмё еджыда-югыдлёз. Сёмын челядь жуёны лым вылын рудов ёвад моз. Да рытсьянь энэжыс лёб пемыдлёз...

Тайё кывбурлань муно мёд, дженьыдик “Медводза лым” кывбур:

Ывлаыс еджыд,

Ывлаыс югыд:

Усьёма небыдик лым.

Небыдик гён кодь,

Кокныыдик тёв кодь:

Тёкётё му бердас инмё.

Ывлаас праздник:

Югдёма, кыпыд.

Му вылыс ойбыртис,

Унмовсис, лёнис.

Узьё.

Шойччё.

Эшкыныс небыд.

Эшкыныс шоньд.

Бара адзам “ичётмёдан” суффикс, кутшём вёлі водзын, но “дженъыдик” пыдди тан нин “небыдик”, “кокныыдик”. Заводитчигён да помасигён вёчма повтёрьяс, кодыас быгтё “лёнь” рамкаё босьтёны гижёдсё, – тёлыс ёд кузь на, еджыд вёр-ваыс узьё на тайё небыд, шоньд эшкын улас... Йёзкодылёма му вывсё: “ойбыртис... унмовсис, лёнис. Узьё. Шойччё.”.

Кывбурын концевой рифма шоч (ыджыд — югыд). Эм тавтологи-
ческой (кодъ — кодъ), глагольной (ойбыргіс — лонис), пытшкёс (узьё —
шойччö). Но дактиля кывбурсö тайöс поэть шуны рифматöмөн, — сідзи
“дзугöма” тэчас тшупöдыяссö.

Кывбурыс — төвся ывлавывлөн состояние йылысь: югыдсянь — узян
кадöдз. Дерт, поэть шуны, мый еджыд лымйөн вевттьöм муыс и луннас
“Узьö. Шойччö.”

Вөр-валөн вежсьысь тувсов шыяс да югыдыс — 1925 вося “Воис ту-
лыс” кывбурын:

Кува-ковакылігтырйи

Воис югыд тулыс...

Татшöм гораа, гашкö, потлö тувсов ю вылын йи. Гижысь шуö, мый
тулысын вөр-вакöд садьмö тшöтш морт:

... Восьтис синсö-пельсö йöзыс —

Ывлас дзирыд лон.

Синтö ёран дзирыд шондіа ывла, дерт, оз сет овны важ моз:

Енэж вывсянь шонді кöдзö,

Кисьтö зарни чирьяс:

Дзуртіс-воссис бшинь, бдзёс,

Гурийв воссис дзирья.

Тулыссö да шондісö поэт йöзкодялö — “кöдзö, кисьтö зарни чирьяс”,
“керка пытшкö пырис тулыс, морт сьёлöмöдз пырис”, (а бшинь-бдзёс
дзирьясö быттьö восьтöма кодкö, морт). Но тайö — тулыслөн öтувя,
быд во быть лоана пасьяс, — пыр олöмлөн вежсьöм, муывылөн ловзьöм:

... Чепсйö нин со тай татён

Турун веж луд вылын...

Выльмöдöм олöм кылöмыс вөрзьöдö мянöс, ышöдöны нимкодясьны
югыд тулысөн восьса öдзöсьясысь кылысь петук чуксöмьяс, лöз лым,
зарни шонді. Ставыс вөрзьöдö да тыртö гажөн сьёлöмтö, кытчö тшöтш
нин пырöма тулыс. Поэт кужöма мянлы висьтавны аслас кыпыд ру
йылысь, и ставыс инмö мянлы тшöтш.

Ми гөгөрвоим: Иля Васылөн артмöндыжык долыд кывбурьяс.
Татшöм и “Гожея асыв” (1926).

Петамбй зарни асывлы паньд!..

Зильöдчö, зельöдчö гождьмыс тані

Шондіыс дон пöртйын дзулькйö, весь пуб,

Ывлаыс чöскыд ма шнипыртö-юö.

Виж шöвкбн, веж шöвкбн вевттьöма мусö,

Енэжыс сунöма нюмьялан юас.

Зильöдчö, зельöдчö гождьмыс тані,

Петамбй зарни асывлы паньд!..

Шыалан, “зильöдчан” рамкаö босьтöма сöмын öти строфа. Тайö
строфаыс торья нин тырöма мый вынсьыс вөрзьöм-садьöм вөр-вадн.
“Шондіыс — дон пöрт”, “дзулькйö”, “пуб”, “ывлаыс чöскыд ма шнипыртö-
юö”. Туруныс — “виж шöвк, веж шöвк”. Медбöрья “чутсö” вöчö юын
увлань юра енэжыс. Кодыс тан донаджык? Чуймöдысь асывлөн серпа-

сыс али поэтлөн садьмодысь чукбстбмысь? Йиджбмабсь найб бта-мод пытшкас, кыкнанныс вынсьбдоны бта-модсб, бйбдбны миянбс тшбтш. Экспрессия, чуксасьбм, звукоподражание, вбр-васб мортъяммбдбм, пытшкбс рифма артмбдысь кыкысь шубмьяс (виж шбвкбн, веж шбвкбн, лирика нога мича определениеяс, – зарниа (асыв), дон (пбртйын), чбскыд (ма), веж (шбвкбн), нюмьялан (юас), – шбтбма тропьяссб дженьыдик кывбурб! Гожбм зельбдчб, шондб пуб, ывла шнипыртб-юб, ывла вевтббма мусб, енэжыс сунбма юб. Бьд метафора артмб йбзкодьялбмысь. поэт сетб лов вбр-валы, мортлы моз. Кык ббръя кывбурын тулыссб ми кылам да гбгбрвоам, кьдз вьлб олбмлысь символ: чужбма, вобма, чук-салб!..

Эмбсь, дерт, Илля Васьлбн тшбтш сьблбмтб ыркбдана пейзажьяс. Тайб, шуам, “Тбвся вой” (1928).

Ывла вылын пашляк ковбб,

Львзбгтырйи дзуртб лым.

Эзысь му выв, ов жб, ов жб!

Гажбд, кодлбн сьблбм пым!

Збойбсь лэббны лым чирьяс.

Вундб нырбс лэчьд тбв.

Ньбжбйбникбн вбсбтб дзирья.

Пу додльб додьялб вбв.

Енэж шбрын еджьд тблысь,

Лымья шаньга – кынбм му.

Кбдзыд... Йирмбг... Додльб сблб...

Вблбй, кыккокийв вай ну!

Но век жб, тайб “рбштвбса” повзббдысь кодь серпасыс нимко-дьясбтбг ошкытбг оз ов:

Эзысь му выв, ов жб, ов жб!

Поэтлы дона чужан муыс, сйбб бара ьдждбдлб сйббс, кор сюрбма поэянлун. Кывбур тыр шыясбн (ковбб, львзбгтырйи, дзуртб). Тан бара уна пблбс вбрас – (ов, гажбд, лэббны, вундб, ньбжбйбникбн вбсбтб, дод-дьялб, сблб, вай ну!). Но налы воча сулалб: “ньбжбйбникбн вбсбтб дзирья” – бытбб гусьбн, кыйбдчиг. Лирика герой эз повзбб пашлякысь, лэчьд, вундысь тблысь, кбдзыд-йирмбгысь, уськбдчис налы паньд:

Вблбй, кыккокийв вай ну!

Кылбны тан йбзкостса шубмьяслбн сьблбмб инман шыяс (пашляк ковбб, сьблбм пым, лэчьд тбв, енэж шбрын, лымья шаньга, йирмбг, кыккокийв вай ну!) – коми ногбн олбмсб кылбм.

Сьблбмсянь шоныда шубма кбдзыд му йылысь: “эзысь му выв!”. “Пу додльб додьялб вбв” – инверсионной ударениеяс сбмын бытбб содтб шоныдлунсб пу додьялы, аллитерацияс вбчб ставсб гортса ног тбдсабн, матысбн, донабн.

Збойбсь (лым чирьяс), лэчьд (тбв), еджьд (тблысь), лымья (шаньга), кынбм (му), – став прилагательнойс “кбдзыд”! Сотан “сьблбм пым” лирика геройлбн, но и сйббс орчббдбма “кбдзыд” рбма “эзыськбд”.

Воддза строфаас вөр-ваын “кодкө” бытты өлө, повзёдчө. Но герой сюе да повтём. Бөрья строфаын мойд кодь төлыся войсө бара ка-зялөма “коми синмөн”:

... Енэж шөрын еджыд төлысь,

Лымья шаньга – кыммө му...

Көдзыд... йирмөг...

Бара кык тайө көдзыд стихлы воча сувтөдөма повтём мортөн шонтём кык бөрья стихсө:

... Даддьө сөлі...

Вөлйй, кыккокйыв вай ну!

Повторьяс артмөдöны содтөд, пытшкөс рифма (ов жө, ов жө; доддьө доддялі) – өддзөдöны ышөдана лөөмторьяссө.

Кык чукөстчөм кывбурын: чужан му динө (воддза строфа) и вөв динө (бөрья строфа). Кыкнанныс висьталöны лирика геройлөн восьса сьөлөм йылысь, кутны позьтём сьөлөмкылөмьяс йылысь, помасьöны горөдөмөн... Кывбурсө тайө мичмөдө, ловзьөдө, вөчө юрганаөн.

“Бара нин...” 1928 вося кывбурын поэт сідзжө раллө, көсйө сувтөдны здуксө, мед нимкодясьны чужан мулөн тувсов мичөн:

Бара нин лым сьлі,

Лым сьлі, йи кывтис.

Косьмис нин лымувса му.

Кымпысь, кымпысь

Нөрыс бок рас вылын

Ловзыліс, сальмыліс пу!

Пөткаяс локтасы,

Пөткаяс дзользясны.

Пөткаяс шлывгасы бөр.

Сьбд парма ловзылыс,

Сьбд парма шувгылас,

Бөр ланьтас сьбд парма вөр.

Парматі мунöны...

Кодьяс нө мунöны?

Ставным ми мунамө сэт!

Дзользый ті, пөткаяс!

Дзордзалй, дзоридзьяс, –

Тулысыс нюжалас мед!

Повторыс уна. Повторьяс тані весиг синонимичнөйөсь да синтаксическойсь. Повторлөн выныс тан төдчө. Повтор тэчө тан кывбурыслысь настроениесө.

Мулөн ловзөмыс, мичлөн “нюжалөм”, кольчөмыс, сийөс кылөмыс – гижөдлөн лейтмотив.

Кывбур помасьө риторика нога юалөмөн да звукоподражательнөй чукөстөм-горөдөмөн: Дзользый!.. Дзордзалй, дзоридзьяс!

“Шойччө тувсов вой” (1928) кывбур бара төдчөдө-өнмөдө Илля Васе лирикалысь аслыспөлөслунсө. Шөр сьөлөмкылөм тані – нимкодясьм. Медколан көсйөм – шуд. Медбур герой – вөр-ва.

Пемыд. Абу кодзув.
Шойччѳ тувсов вой.
Лѳньѳм. Ветлысь шоч зѳв.
Муыс — сѳѳд роч ной.

Шоньд тувсов войѳй,
Мыйкѳ меным мойд!
Мойд... но, зарни чойѳй,
Сѳѳлѳмѳс ѳн дойд!..

Чайтам, да, тані вѳр-ва. Но кывбур помланыс чужѳ мѳд кылѳм:
поэтѳс майшѳдлѳ мыйкѳ, виччысѳтѳмтор олѳ тайѳ пемыдас. Ѳд

Потліс ѳнѳж мышкын...
“ЮГ-юг”, “чуж-чаж” ... “ГРЫМ!”

Пемыд кымѳр пытшкын

Мурзис чорьд гым.

Гѳгѳр грымакылѳ...

Мый тайѳ вѳлі?

.....

Кобис. Абу кодзув.

Муыс — сѳѳд роч ной.

Кутш мѳз шлыгѳ водѳ

Чуймѳм тувсов вой.

“Кутш мѳз шлыгѳ” — лѳньсѳ оз торк, шы оз сет. Бордйис паськыд, то-
пыд, гѳна... Кывбурын образяс абу уна, но ѳнѳсь, тѳчѳма найѳс ѳтша
кывйѳн, но син водзад сувтѳ: “Му — сѳѳд роч ной”. Чим сѳѳд, сѳдзкѳ, югы-
дыс оз письты. Да тшѳтш “Пемыд. Абу кодзув”... Лаконизмыс тшѳтш от-
салѳ войлысь чѳв образсѳ тѳчны! Сылѳн образ сайын — шызѳм мортлѳн
сѳѳлѳмыс:

Гѳгѳр грымакылѳ.

Кырсеѳѳ кѳшысь мѳз...

Уси мем дум вылѳ

Кымын олѳм роз!

Тайѳ зѳв пыдѳ сѳѳлѳмкылѳмъяс да дойдана мѳвпгъяс: кытчѳ чѳв-лѳнь
пытшкын вошѳны “олѳм розъяс”?.. “Келььд кыа” — “зарни синма ныв”
оз вочавидз...

Кывбурын мортгьяммѳмаѳсь тувсов вой, чорьд гым, келььд кыа, — найѳ
вежѳны ѳта-мѳдѳс, сѳѳрся-бѳрся воѳны. “Вына йѳз”, “веськыд тыш”,
“джуджыд сѳѳлѳмкылѳм” — тайѳс оз мойд “зарни чой-вок”, мед кѳтъ и
виччысѳѳ геройыс.

“Йи кодь кѳдзыд войт”, “жеб вылѳм”, “пемыд кымѳр”, “чорьд гым”,
“чуймѳм вой”, “долыд вой”, “келььд кыа”, “зарни син”, — татшѳмѳсь ѳтко-
дялѳм да ѳпитетгъяс кывбурын. Найѳ чѳв-лѳньѳсь. А кывбурас уна горѳдѳм-
корѳм: “мойд!”, “ѳн дойд!”, “мойд!”, “дугды!”, “ѳн мойд!”, “мойд!”, “ѳн
дойд!”.

Таясь кындзи горѳдѳны: “грым!”, “кымын олѳм роз!”, “ѳштис мой-
данкыв?”, — “восьса” ѳмоция тайѳ горѳдѳм-юалѳмъясны.

“Мудзѳм войтырлы” (1921) кывбур вѳзйѳ “адресатыслы” вѳр-ва
пытшкын, ю дорын корсеыны сѳѳлѳм бурмѳм, шойччѳѳ:

Висьё кё сълбмыд, курыд кё олбмыд,
Шудыд кё тэ ордэ сутш кезлэ волбма,
Сэки тэ ва дорб лэччы.

Бадьяслён кышбдчбм, туруилён копрасьбм,
Эжвалён шлывгбмыс, черилён тювкьялбм
Бурдбдас сълбмтё тэссыд.

Сьбкыд кё овнытё, чорзьё кё сълбмыд,
Ичотсянь быдмигад шудтбм кё вёлбмыд,
Мун сэки сёрдб, вёрб.

Кузь кока пожбмыс, дзор тошка коз пуыс,
Зарниа корьяснас кышбдчыс кыз пуыс
Небзьёдб сълбмтё тэссыд.

Мудзин кё пессигад, усин кё сълбмнад,
Быри кё эббсыд лёк йёзкёл мыреигбн,—
Ветлы тэ йёз пыгшкб сэки.

Матысянь видзблы найблыс олбмсё,
Пидзбсас кучкбмбн ббрдбмб волбмсё,—
Ббр сэки эббсыд воас.

Сомын кык ббръя строфаыс век жё висьталёны, мый ёткён, йёзтёг оз помёдз небзьы сълбм: “пидзбсад кучкбмбн ббрдбмыс” йёзлён — абу жё долыд олбмыс.

Кывбурын бара йёзкодялбма бадьяс и турун, “кузь кока пожбм” и “дзор тошка коз пу”, “зарниа корьяснас кышбдчыс кыз пу” и “Эжвалыс шлывгбм”.

Метафораыс тэчбны сьбкыд олбмысь, мудзбм мортлысь, шань вёрвалыс эскбдана образьяс:

— овны сьбкыд, чорзьё сълбм, сэсся небзьё;

— турун копрасьё, сълбм бурмё;

— морт усьё сълбмнас, эббсыс мунё...

Быд периодын куимыс шубма условной частица кё:

висьё кё... , курыд кё... , шудыд кё... .

сьбкыд кё, чорзьё кё, шудтбм кё... .

мудзин кё, усин кё, быри кё... .

Тайё содтё кывбурлысь ритмсё, вёчё кывбурсё мыладжыкбн.

Эпитетьяс тшётш метафора ногабсь (метафорической эпитет): курыд (олбм), шудтбм (морт), кузь кока (пожбм), дзор тошка (коз), зарниа (корьяс), лёк (йёз), пидзбсас кучкбмбн (ббрдбм).

Быд трёхстишиеын ббръя стихыс — инверсия. Инверсия зумымдбдб шубмсё, — ббрё либё водзё петкбдб медколан кывсб: “бурдбдас”, “небзьёдас”, “лэччы”, “вёрб”...

Экспрессия да звукоподражаниетёг оз ов и тайё кывбур:

Зарниа корьясбн кышбдчыс кыз пуяс...

Бадьяслён кышбдчбм, туруилён копрасьбм,

Эжвалён шлывгбмыс, черилён тювкьялбм...

Кывбурыс лбньбдб, бурьялб. Ачыс кывбурыс тэрмасьтбм, лабутной аслас нёль ударениеа дактильнас:

/--/--/--/--

/--/--/--/--

лыддбдлб ставсб, мый вермб дзугыльтны мортбс, да став вылас и
вочавидзб, адзб бур кыв.

Зэв “асныра” 1922 вося кывбур “Шубны”:

Шубны: кымбра. Сэзьмас!

Шубны: пемыд пб. Югдас!

Шубны: омбль пб. Ёнмас!

Шубны: узьб пб. Садьмас!

Шубны: кулб пб. Ловзяс!

Видзбдлы: кбсйбны вины.

Видзбдлы: лэптбны черсб.

Видзбдтб: керыштны кбсйб.

Видзбдлы, видзбдлы: черыс...

Видзбдлы: веськалб изйб.

Лыддян тайбс — да шуда лоан! Оз сетчы гордбй морт! Вот кутшбм
достоинство сылбн. Асьсб морттуйб пунктб медводдза стихсянь.
Повзбдлбны, а сйб оз и вбрзы, — сэтшбма эскб бурб, аслас вынб.
лбкыслы помб, мед кбть и матын нин лбкыс.

Кывбурас бти сбмын рифма (кбсйб — изйб), не кб лыддыны гла-
гольнбйсб (ас — яс). Артсб вбчбны сбмын кык лексическбй анафора.
“шубны” да “видзбдлы”.

Эмбсь Илля Васьлбн ылб вокьяслбн муясын (Финляндия, Венгрия)
гижбм кывбурьяс. Тайб дзугыль, гажтбмтчысь строчкаяс:

Сап пемыд сынбд пыр дзирдалан вбньбн

Сыркбдб машина, грымбдб поезд.

Енэжыс, му вылыс узьбны лбня:

Сьбкыда личкбма сьдл арлбн войыс.

Сап пемыд му вылын. Оз ломзбы кодзув...

Став олбм-вылбмас эм-б кбть бикинь?

Эм бти... Сьдл сэтбр синмыд ме водзын.

Прбщайтчим... нюммуним... жугыльтчин дзикбд.

Сыркбдб машина, грымбдб поезд...

Эн личкы сьдлбмбс, эн дойд юр вембс,

Пом ни дор, са кодь сьдл бубыля войбй!—

Му вылын сьдл-югыд сьдлбмьяс эмбсь.

—Югдывтбм, пемыд, гажтбм, лбнь.

Йбз муын войын шензбдбны поэтбс помтбм биа “грымалысь маши-
наяс”, наысь енэжыс пемдб, “оз ловзбы кодзув”. Но поэт эскб, мый
“Му вылын сьдл-югыд сьдлбмьяс эмбсь”, — тайбн и помалб кывбурсб.
Тайб медббрья шубмыс путкыльтб став воддза нор настроениесб, воча
сувтб сылы, повтбг тбдчбдб: “Эмбсь!”. Сап пемыдас эм тшбтш би кинь:
“сьдл сэтбр синма” ныв.

Сьдл синтаса, сэтбр синма,

Пбсь сьдлбма нылбй,

Тэнад сьдлбмад мед инмас

Тайб сыланкылбй.

нбшта бтчыд шуб сылы поэт (1926)

Дзоля мадыяр дзоридзлы,
Сьблѳм тпкѳм вѳчысьлы,
Тѳвсѳ лунѳ кѳдзыд дыр
Мѳрѳсѳ би кѳдзысьлы
Сна тайѳ гижѳдеб...
Дыр мысти, кор вижѳдас,
Казыштлы тѳ менѳ—
Шоныд муад сѳні (1927)

Мед кѳтъ и нюмсера кывбурыс, а помасѳ нора—прѳшайтѳѳны ѳд...
Кутшѳм мича метафоричностьыс кывбурас “дзоля мадыяр дзоридз”,
“мѳрѳсѳ би кѳдзысь”...

Кѳні дзоридз,	Сѳні енѳж.
Сѳні гѳжѳм,	Кѳні муслун—
Кѳні кодзув,	Шуд оз куслы.

Пыдѳ рифма ладсѳ-артсѳ сетѳ тшѳтш тайѳ кывбура иѳѳтик шуѳмлы.
Нѳшта кык иѳѳтик 1928 вося кывбур вѳрзѳѳѳѳны лирика геройлыс
моз тшѳтш миянлыс сьблѳм:

Почтальѳн пырис.
Письмѳяс тырыс.
Иѳѳтик гижѳдтор эм,
Дзолиндзи гижѳдтор мем!
Почтальѳн сетѳс.
Почтальѳн петѳс.
Сьблѳмѳй чеччалѳ—би...
Тиралѳ-тѳрмасѳ ки...

Гижѳдтор бѳсьтѳ,
Гижѳдтор вѳсьтѳ.
Виччысѳ—би...
Гижѳдас—йи!
Гижѳдтор лыдди...
Лун вѳлѳ... Рыт нин.
Енѳжыс сьдл.
Вемѳс-ѳ, вѳт?

Кывбурын анафораяс да кыкысѳ шуѳмѳяс тѳдѳѳѳѳны геройлы
лоѳмторлыс ыджыд вежѳртассѳ. Зѳв прѳстѳй глагольной рифмаяс
бытѳѳ зильѳны дзугны, чинтны лоѳмторлыс донсѳ (пырис - тырыс, сетѳс
- петѳс, бѳсьтѳ - вѳсьтѳ). “Иѳѳтик”, “дзолиндзи”, “тор”—тшѳтш иѳѳтмѳѳѳны
сѳйсѳ. А лирика герой сѳтшѳма виччысѳс тайѳ письмѳѳсѳ:

Сьблѳмѳй чеччалѳ—би...
Тиралѳ-тѳрмасѳ ки...

Но: Виччысѳ—би...

Гижѳдас—йи!—шемѳсмѳѳѳ миянѳс юѳр:

Лун вѳлѳ... Рыт нин.
Енѳжыс сьдл.
Вемѳс-ѳ вѳт?

Зѳв этша кывѳѳн помасѳѳ, нетыр сѳрникузѳѳн, а сѳтшѳм сьѳкыдѳсѳ
кывѳясыс. Серпасыс висьталѳ шѳг йылыс...

Коді кышдчб сзи бшинь саяе?
Кутшбм юбр этысь ваия?
Өшинь стеклб вылб каия?
Тблбн новлбдлан лым чирьяе сзні
Өвтыштисны кинас меным –
Еджыд чышьян инмис стенам.
Ак ті, чирьяе, сбстбм байдбг чирьяе.
Восьтыла ме бшинь дзирйбс –
Пырбй менам гажтбм жырйб.
Пырбй жырйб, пуксьбй мекбд орчбн,
Өгитор ті шубй, ёргьяе:
Эм-б сбстбм шудтор мортлбн? (1928).

Гижбма кывбурсб шуштбм воб, кор ГУЛАГлбн дзескыднйясб
мбдисны нин веськавны йбз. Быд шы тшбктб кывзысьны, весиг тбвлбн
пблыштбм. Пемыдын сбмын лым чирьяе еджыдбсь:

... Еджыд чышьян инмис стенам...

Бытбб унмовсббдб “еджыд байдбг” лымйыс. Но “гажтбм” оланйныс
пбзтлбн. “Эм-б сбстбм шудтор мортлбн?” – медббрын юалб сйб...

Ак ті, чирьяе, сбстбм байдбг чирьяе.
Восьтыла ме бшинь дзирйбс –
Пырбй менам гажтбм жырйб.

Кывбурын уна “кышакылысь шы”: “ш” – “ж”: “кышдчб”, “бшинь”,
“кутшбм”, “бшинь” (мбдысь), “өвтышталисны”, “чышьян”, “бшинь”
(коймбдысь), “еджыд”, “гажтбм”, “жырйб” (мбдысь), “шудтор”. Гашкб,
мед шуштбмджык вблі?

Поэзия Виктора Кушманова*

Грустна судьба поэта не только в Коми, но и в России: звучат всенародно любимые песни, а имя того, кто сочинил слова, редко кто знает. Поэтов коми в республике кое-кто все же изучает, пишет о них. Русских поэтов в Коми редко издают. Еще реже о них пишут.

Рос и формировался поэт Виктор Кушманов на нашей земле. Воспитывался в детском доме. Завоевывал себе имя поэта в газете, как и большинство пишущих.

Полусиротство знает большинство. Не всякий поймет сиротство. Для поэзии оно - колыбель драматизма. А соединение лирики и драматизма - благо: лирика не скачет бездумно в прелестном мире, драматизм не упивается сложностью жизни. Сила чувств обоих экспрессивных родов поэзии облагорожена взаимно. Так - в лирике Виктора Кушманова. Возможно горечь и крепость редьки, от которой "происходит" его фамилия, дает силу его творчеству. "Тревога" (1967), "Что там, за белой дорогой?" (1971), "На земле с тобой" (1979), "Эта бесконечная нежность", "Деревенские праздники" (1986), "Люди любимые" (1989) - названия книг его поэзии и прозы.

Книжки уложены "хронологически". Вот самая тонкая из них. Самое первое стихотворение в ней:

Какие гулы в сердце у тебя?
Наверно, это гулы декабря –
Морозов звон и стонущей сосны.
А может, гул разбуженной волны,
А может, гул любви или трубы,
А может, гул березовой тропы?

Не "умение точно и ярко передать увиденное", не "заложенная в стихотворении мысль", не "сослужить добрую службу", а разбудить чувство в человеке, раскрыв свои "гулы в сердце", - первое дело лирики.

Именно такова была и муза Виктора Савина, одного из первых поэтов Коми, которому посвящает Виктор Кушманов свое "белое" стихотворение:

Старые и большие деревья,
Вы ведь тоже были тонки,
Вы ведь тоже любили.
Старые и большие деревья,
Вас не реже людей,
Дорогие мои, под корень рубили...
Вы, конечно, меня не узнали.
Кто поверит, что я тот диковатый звереныш,
Которому в праздник вы шишки, как белке, роняли
И которого в беды на ветках качали зеленых!...

* Первоначальный вариант статьи под названием «Мир поэзии В.Кушманова» был опубликован в книге: Латышева В.А. Литература коми: Учеб.пособие / Сыктывкарский ун-т. Сыктывкар, 1995. С.100-115.

Мотив далекого одинокого детства, голодного, но прекрасного, проходит через все стихотворения Виктора Кушманова, сегодня уже зрелого поэта:

Я все время притворялся счастливым,
Я любил девочку в ситцевом платье,
В шесть утра я купался в таежной реке,
Меня уважали друзья: плотогоны, поэты.
Я всегда притворялся счастливым,
А однажды, когда надо было быть несчастливым,
Я не сумел, я не смог!

Образы поэзии В. Кушманова - свежий, крепкий, полный наслаждений мир:

Работайте,
Любите,
Не трясите над собственным телом,
Не лейте, не берегите его от шрамов.
Пусть оно будет свободным и естественным,
Как крепкое дерево!

А главное, чтоб у ваших глаз
были глаза,
у рук - руки,
у сердца - родина,

Как, например, у меня - тайга.
Без родины сердце пустой механизм,
Насос, перекачивающий воду.
Конечно, к этому бы я еще добавил -
Дерево - сосну, яблоню.
Собаку с глазами друга,
Хлеб, соль, луковницу,
Охрипшую песню.
Усталость после работы,
Любимую, укладывающуюся спать,
И сознание того,
Что жизнь
Это вечный и трезвый праздник.

(«Про счастье»)

И за этим крепким, желанным, надежным миром чувствуется уверенная сила молодости, ожидание вечного праздника жизни.

Горько плакала подо льдом
Речка тоненькая, как девчонка.
Я услышал ее, негромкую,
И пошел к ней по тайге,

.....
К ней, не знавшей еще никогда
Тяжесть и легкость лодки.

(«О моей речке»)

Образы у него чисты и неожиданны, полны ощущения предмета, явления, их главных качеств.

И на земле будет все так,
как много лет тому назад:
Прохладные колодцы, румянец на щеках,
Крепкие женщины, полоскающие белье,
Серебро пионерского горня
И крестьяне, покупающие соль и ситец
в бревенчатой лавке.
(«Интимный разговор с любимой»)

У иных поэтов перечисление чего бы то ни было безэмоционально, пусто, незначаше. В.Кушманов перечисляет такие детали своего прошлого, которые замечены взглядом художника, значимы, незабываемы для него. А чтоб они стали незабываемы для нас, читателей, он умеет их так представить что они остаются в нашем воображении и в сердце. Потому что и в нашей жизни было все это чистое, и в нашем прошлом было главным то, о чем говорит поэт.

Россия - родина поэтов.
То средь солдат, то средь крестьян
Их находили пистолеты
Однажды в утреннюю рань.
- Убит поэт! - строфа кричала.
А кто-то праздновал тот миг.
А баба русская рожала
Взамен убитого двоих.
И подымалось солнце красное
На куполах колоколов,
И становилось все опасней
И все прекрасней для стихов.

(«Россия - родина поэтов»)

"Далекие близкие" ассоциации, сопоставления, фольклорный оттенок эпических констатаций (подымалось солнце красное), сами за себя говорящие аллитерация и ассонанс (на куполах колоколов), оправданная смыслом стихотворения внутренняя рифма (опасней - прекрасней), единоначатия (А, И) и всего два тропа (метафора "их находили пистолеты" и олицетворение "строфа кричала")... А стихотворение энергично, значимо, величаво. Противопоставления (поэт-баба русская) незабываемы.

Снег пахнет яблоком громадным,
Не тем, которое сейчас,
А тем, что в детстве, непонятым
В глуши, на севере, у нас.

(«Воспоминание о детстве»)

Не только память о событии, но и о звуках, его сопровождавших ("морозов звон и стонущей сосны"). Не только значение предмета, но и осозание его ("прохладные колодцы", "тугие ладони", "твои реки у губ моих") живут в лирике В.Кушманова. И эти звуки, запахи, осозание предметов переданы всегда необыч-

ным, изысканным словом. Слог его метафоричен, интонации напряженны, эмоции откровенны:

Там, где гулом полны деревья,
Никому не известный пока,
Я иду, я иду в подмастерья
К лесорубам и рыбакам!

.....
По утрам лебединый гогот
На ладонях моих тугих,
Твои сосны у изголовья,
Твои реки у губ моих.
В бесконечных твоих лесах
Я родился в твои морозы.
Твоя радость и твои слезы
Отразились в моих глазах.

(«Родина»)

Лирический герой слит с пейзажем родины, он - его продолжение. Суровость земли - не помеха его рождению. Печаль и радость бесконечных лесов - это его печаль и радость. Метафоры, создающие образ родного края, обобщающи, величавы, повторы усиливают впечатление ("я иду, я иду", "Твои сосны, твои реки", "твои морозы, твоя радость и твои слезы").

Величие "моря коми" - леса - ощутимо во многих стихотворениях поэта. Оно не мешает раскрыться и теме более узкой, героине "частной":

В некотором царстве,
В некотором государстве
Никем не встреченная, ничья,
Сидит девчонка у ручья.
А рядом просеку рубили,
И сосны падали прямы.
Глухое царство покорили
И управлять им стали мы.
Зажгли огни в веселых избах,
Срубили ясли, школу, клуб.
В вечерней школе сел за физику,
Себя стесняясь, лесоруб.
А лес шумел и колдовал...

(«Алёна»)

Лес для коми - вся жизнь. Рожденный среди лесов не может не чувствовать этого всем своим существом. И если он поэт, то не может не выражать этого постоянно. Глухое царство очеловечено, оно "шумит и колдует", воздействует на человека всю жизнь, и характер человека соответствует жизни леса - и "ничьей девчонки", и "стеснительного лесоруба", и не удивляющегося большим переменам лирического героя, который сам творец этих перемен. Стихотворение полно движения, большого, преобразующего жизнь людей. Это движение сгущено в один момент, протяженность событий будто сведена в событие, происходящее быстро, словно по колдовскому велению:

Мир березовых рощ и ольхи,
Я вхожу в тебя, как в стихи.
Льется золото сосен в ладони.
Я ночую в стогах как бог.
Кто трубит по ночам в лунный рог,
Кто ночами в лесах моих бродит?
Ах ты, юность, тебе нет конца.
Я в рубашке из тонкого ситца,
Я поймаю в лугах жеребца,
Лунным дымом который клубится.
Пусть таинственность ночи и дня
Перепутает сказки и были...
Пусть копыта горят у коня
От горячей космической пыли.

Богатство тропов - художественных средств, переносящих признаки и действия с одного на другое, - неотъемлемая черта лирики В.Кушманова. Тропы рождены эмоцией, эмоция поддержана и украшена тропом. Образы, созданные в их слиянии, - сказочны, необыкновенны и в то же время неотделимы от земли, от реального мира, привычного, в котором проходит твоя жизнь. Пейзаж празднично-загадочен, приметы образа (в этом стихотворении) космичны. Интонация восторга перед жизнью, перед миром, перед собственной значимостью безотчетно заразительна.

Стихотворения "Песня о нежности", "Я обидеть тебя не хотел", "Пусть там, где ты, не плачут" полны эмоций и метафорического чувствования. "Нежность... - степь или лес, или сон?" "Утро, июль, иван-чай?" "Песня, улыбка, вздох?", "Дыханье любимой...", страны..., отцовские письма с войны?.." "Ветер на подоконнике?" "Бредущие кони в вечернем тумане?" "Юность, усталость, грусть?" И каждая из метафор - образ, уловимый в своей точности, свежести, грусти ("ветер на подоконнике", "кони в вечернем тумане").

... А я уехал в тундру,
Печальную, как дым.
А я поранил руку
О край ночной звезды...
... Я встретил ненку Ану,
Тугую, как аркан...
... Но однажды в большую пургу,
Как на самую первую встречу.
Побегу на далекий гул,
Утопая в снегу, побегу,
Задыхаясь от встречного ветра!

Таковы метафоры в этих стихах.

Таковы сравнения в этих стихах, поставленные в соседство с внутренней рифмой и аллитерацией - звукоподражанием. Такова необычно убеждающая, фантастически-вымышленная, и в то же время насквозь реалистическая образность поэзии В.Кушманова.

Милая

С кувшинками болот,
С гарью леса, мокрою листвою,
Снова, принимая, обожжет
Родина березовой корою
Белых рош.

У заводей глухих

К сердцу подползет зеленый
шорох.

Отойду. Покинет душу холод,
И опять начну писать стихи.
По тропинке через бор и гать
Женщина пройдет в простом

платке

С белой птицей в тоненькой руке,
Женщина, которой имя - мать.
Но я крикнуть "мама"

не спешу

Нет ее.

Есть жизнь и зелень листьев.
Но когда хочю ее увидеть,
Я стихи о Родине пишу.

(«Родина»)

В чем секрет проникновенности стихотворения? В том, что оно - о матери? О давно умершей, покинувшей сына, вечно молодой? Той, которую заменяет поэту "зелень листьев" и "жизнь"?

Эта антитеза прослежена в концовке другого, "белого" стихотворения:

Как-то в августе

Большую охапку цветов принесли
и бросили на стол.

Отец колот дрова,

мать укладывала поленницу,
босоногая, с загорелыми икрами.

Я, семилетний мальчишка,

с незнакомой печалью

распробовал на вкус

тонкие лепестки

и удивился: такие красивые,
а горчат!

Та охапка цветов

тот вечер,

босоногая мама

через длинную вереницу лет

превратились в мое первое

стихотворение.

(«На земле с тобой»)

Белый стих бесстрастно констатирует воспоминание. Как бы со стороны. Но чувство, полное драматизма, возникает в этой антитезе. Счастье или горе, когда любовь родной души и к ней заместилась радостью и муками творчества?

Старый, скрипучий,
колодезный журавль
на дворе моего детства
однажды взмахнул
крылами,
побежал по траве
и превратился
в далекого
улетающего журавля.
Тонкой белой березкой
с нежной листвой
вошла однажды
в избу русоволосая девушка
и превратилась в мою мать.

(«На земле с тобой Рождение чуда»)

Снова "бесстрастный" белый стих. Но в него вложена... несбыточная сиротская мечта о чистоте и нежности той, которая тебя родила. Под бесстрастной внешней формой - фантазия, стусок чувств, человеческих, недетских.

Цвет черемух чист и густ
Рухнет на крыльцо,
И черемуховый хруст
Осветит лицо.

Если снег пропах рекой,
Светел и высок,
Если снег товарищ мой,
Я не одинок.

Пролетит далекий гром,
Припадет к дверям.
Север - это добрый дом
Птицам и друзьям.

Если дождь, как рожь - стеной,
Если я промок,
Если дождь товарищ мой,
Я не одинок.

Пахнет дымом старых звезд,
Парус свеж и туг.
И любой случайный гость,
Словно старый друг.

Дует ветер под полог,
Но тепло в душе.
Перекресток двух дорог
Позади уже.

Солнце - маленький олень,
Скачет у огня.
Ночь пройдет, и будет день
Светлый у меня.

Одиночество рождает бесконечные ассоциации и лейтмотив: "Я не одинок". Природа помогает лирическому герою быть не одиноким - снег, дождь, рожь, река, гром, ветер, ночь, дорога, солнце, день, - его старые друзья.

Снова метафоры. лирические определения, звукопись (цвет-лицо-крыльцо. Черемух-хруст-рухнет) создают это чувство родства с родной землей: "Ночь пройдет, и будет день светлый у меня".

Многие поэты рассказывают о событиях, о своем состоянии, о любимом человеке.... (Лирика не должна рассказывать!)

Лирика В.Кушманова эмоциональна, язык ее гибок и легок, и "рассказывание", если оно и есть, благостно тонет в изобразительности стиха - об этом уже сказано.

Поэт не стесняется быть чувственным, чувствительным, ранимым, неуверенным, добрым, нежным. В этом - впечатляющая сила его стихов.

Ты ласков, словно снег в весенний день,
Ты легок, словно дым над чумом новым,
Поворожденный маленький олень,
Каким тебя назвать веселым словом?

Ты тычешься в ладонь, как мотылек,
Ты спишь, прижавшись мордую к лопаткам,
И чум высок, и наш костер высок,
И мягко спать на шкурах нам и сладко.

Пусть колобродит, не уходит прочь
Метель большая и вздыхает горько,
Прекрасна, олененок, наша ночь,
Пусть никогда тебе на снятся волки.

Образы органичны, они - из "тундрового" быта; они нежны, сделаны с такой чуткой наблюдательностью, что впору дать прочесть и заучить произведение каждому ребенку в книге для чтения любого класса. Анафора (единоначатие) обнаруживает живописные сравнения. "Ты ласков, словно снег в весенний день", "Ты легок, словно дым над чумом новым", "Ты тычешься в ладонь, как мотылек"...

У поэта - живая память об ушедших близких. В этих стихах он наиболее раним, затаенно-эмоционален. Образы дорогих ему людей проходят через все его творчество. Они показаны в той среде, которая для них естественна. Эта среда, эти обстоятельства не менее поэтичны. Каждая деталь говоряща, исполнена света или драмы при описании жизни героя стихотворения:

В осенний вечер у дверей и окон,
Где еле-еле светится огонь,
Играет веткой ивы одинокой
Последняя в Пыёльдино гармонь.

И гармонист не тот, что был когда-то,
А был он бесшабашен и красив,
Играет на гармошке тетя Катя,
Сама себе стакан вина налив.

И хороводят рядом три старушки,
Как птицы, не сумевшие взлететь,
То запоют в три голоса частушки,
То вдруг заплачут, чтобы вновь запеть.

**И мимо церкви старой и овинов
Над тесом крыш, деревьев, старых бань,
Над всей землей, такой неповторимой,
В последний раз играют "Шондiban".**

(«Памяти бабушки Евдокии Егоровны»)

Даже, казалось бы, не совсем ясная строка "играет веткой ивы одинокой... гармонь" здесь многоговоряща: в деревне погожим летним вечером гармонист выходит на улицу, чтобы слышали его игру многие. Образ ивы, всегда "плакучей", гармонирует с полным драматизма лейтмотивом произведения. "Как птицы, не сумевшие взлететь", три певуны "играют" традиционную хороводную зырянскую песню о прошедшей молодости. Мир деревушки в лесах - старая церковь, овины, бани, старые дома - слушает их пение и плач.

В.Кушманов из тех поэтов, которые создают свой образный мир, используя все художественные средства языка. Здесь и фольклорные постоянные эпитеты (березу белую), и просто эпитеты, и очеловечение живого и неживого, и антитеза, которая может лежать в основе целого стихотворения, выражая невозможность гармонии (или наоборот):

**Березу белую согнуло,
Расти мешал ей мшистый камень,
Она спокойно обогнула
Его упругими ветвями.
И в землю намертво вцепилась
И, умудренная годами,
Земную набирая силу,
Пыталась отодвинуть камень.
А он лежал большой и прочный,
Не знал, что жить мешает той,
Кем любовался днем и ночью
Он, одинокий и седой.**

(«Береза и камень»)

Даже трагизм ощутим в этом стихотворении о физическом и духовном несовпадении двух одинаково несчастных (мшистый, большой, прочный, одинокий, седой камень и белая, спокойная, с упругими ветвями, умудренная, набирающая силу та, которой он любит, - береза).

Порывистость и смятение юности, романтические мотивы медленно сменяются "более взрослыми", степенными.

**Я спрашивал: - Цветет ли рожь в округе?
- Цветет, цветет. Так благостно цветет.
И зреет вся! Богатый будет год,
Вся Русь в пчелином золотистом гуде.
И я увидел в мыслях эту рожь.
Пленительную медленную дрожь
Тугих колосьев - детства колыбель,
И голос матери. Я в этой ржи робел
От беспричинной робости и грусти.
И бесшабашно, истинно по-русски**

Над рожью белой жаворонок пел.
...Я возвращался с рынка без цветов.
Нес землянику в маленьком кулечке.
Руками я касался облаков
И было мне спокойно и легко, -
Я шел в роддом - к новорожденной дочке.

(«Июль мне подарил Марию»)

Но романтическое мироощущение первых сборников поэта не исчезает, оно пронизывает его новую лирику. Вопрос, взволнованный ответ, тройной повтор, уточняющее, нагнетающее эмоцию восклицание, метафорические эпитеты ("благостно цветет", "в пчелином золотистом гуде", "пленительную медленную дрожь") протяженны во времени - пятистопный ямб создает эту неторопливость, спокойствие. Новое качество лирического героя-отца, главы семьи, требует этого:

Из самых редких сокровищ,
накопленных земным шаром,
революциями и войнами,
я выберу старую колыбельную
из ветра,
шелеста трав
и птичьего пения.

Колыбельная пахнет
белым праздничным полотенцем,
речным песком,
первым поцелуем.

Жена засыпает на моей руке.
Дочь на руке жены.
Колыбельная -
на руках дочки.

(«Рождение дочери»)

Атрибуты этого сокровенного события вечны и чисты, природа - по-прежнему колыбель и праздник...

И завершим разговор тремя сильными стихотворениями про родной Север - ночную сторону, - как это звучит по-коми.

Север - не итог жизни. Север для поэта - бесконечный источник вдохновения.

Простите, снег, деревья, дождь и рожь,
Простите, птица и река Печора,
Что долго жил, а так и не дорос
До вашего простого разговора.
Войду в избу, где чисто и светло,
Которую до окон занесло
Чистейшим снегом. Я в рубахе белой.
В сарае сохнет лодка и весло.

А на столе бумага и перо.
Пора писать! Серьезно. Просто. Смело.
Чтоб не стыдиться северной реки
И белокрылых птиц в вечернем поле,
Чтоб были настоящие стихи
До радости, до нежности, до боли.

В этих словах все пронизано человеческой мечтой и чувством, человеческим отношением к живому и неживому, к очеловеченному бессловесному. Здесь - жажда творчества и необходимость его. Здесь - те качества поэта, которых жаждет видеть в нем и читатель ("Пора писать! Seriously, просто, смело. Чтоб не стыдиться..."). Здесь - цвета Севера: светло, чистейший снег, белая рубаха, бумага, северная (светлая, белая) река, белокрылые птицы... Усиление в финале создано повтором: "до радости, до нежности, до боли"...

Для нового человека Север - испытание, бескомфортная красота, которую долго не выдержать, но для рожденного здесь он - поэзия и "добрый ангел" даже в своих суровых, безжалостных проявлениях. Понятны и естественны здесь гиперболы и оксюмороны ("Триста лет... летит вертолет"; "Тело спит. Убито тело. А душа поет"). Понятен и единственно допустим ритм неоконченных кратких фраз, - какое красноречие в дождь! ("Сверху сыро. Снизу сыро..."). Но романтика жива, взаимопонимание с бессловесными и теплыми - бесспорно (... "Слышу - тихо пес лизнул висок"):

Мох. Болота. И морошка.

Трое суток льет,

Плюс - сырую рыбу лошадь,

Как траву, жует.

Спит геолог Пипуныров.

Бороду - в кулак.

Сверху сыро. Снизу сыро.

И всю жизнь вот так!

Вешмешок лежит с камнями.

Камни - первый сорт.

Триста лет летит за нами

Этот вертолет.

Хоть бы птица пролетела,

Трое суток льет.

Тело спит. Убито тело.

А душа живет.

В белом мхе с названьем ягель,

В отблесках огня

Белый север - добрый ангел

Бережет меня.

Лошадь с белой кличкой "Чао",

Как валун, лежит,

Как и люди, одичала,

Только не ворчит.

От костра - косые блики,

Я полез в мешок

Засыпаю. Слышу - тихо

Пес лизнул в висок.

(«В Заполярье»)

Космические образы всегда естественны в поэзии В. Кушманова ("...я поранил руку о край ночной звезды"). Они рождены романтикой экспедиций, в которые не раз ходил поэт с геологами, плотогонами, художниками, рождены

зовом рек и дорог, самой Северной стороны. Нескончаемость этой романтики как бы подтверждает лексическая анафора "Одинокое" в стихотворении о родине, о звездах, льдах, деревьях, светляках, водах, кольце любимой.

"Одинокое грусть самолетов и карбасов", нежность лета... Стихотворение о родине пронизано грустью, любовью, усталым наслаждением жизнью:

**Одинокое снежная к людям,
Длинным рекам, к птичьей возне,
Как была она, так и будет
Моей родиной на земле.**

**Одинокое светятся звезды,
Льды, деревья и светляки,
И широкие ясные воды,
И кольцо с твоей тонкой руки.**

**Одинокое грусть самолетов
И карбасов в черной смоле...
В ней усталость тяжелой работы
Бесконечной на этой земле.**

**Одинокое нежится лето
И, от светлой хмелея воды,
То коснется тихонечко сердца,
То полярной коснется звезды.**

Поэзия В.Кушманова отвечает главным качествам лирики как литературного рода: эмоциональность, субъективность, напряженность, краткость.

Разнообразие эмоций, рожденных всеобъемлющим сердцем поэта, драматизм и элегия этих эмоций, радость и печаль - без них не было бы стихов. Но создать стихотворение, богатое чувством, его оттенками, "смесью чувств" возможно, лишь владея всеми глубинами языка, всеми его возможностями. Мы увидели, как владеет поэт изобразительной и выразительной силой русской речи. Для лирики его язык особенно приспособлен: В.Кушманов - художник. Он мыслит образами. Мысль даже "побеждена" образом, и это хорошо. Поэтому всегда его лирика была читателем замечена и любима. Она близка ему человечностью чувств. Она ему нужна благодаря словесной силе и красоте выражения.

Евгений Валерианлөн съөлөмкылөмьяс (Евгений Козлов)

Поэзия - кор съөлөмкылөм вуджө мөд мортлы, босьтө сійөс, тшөктө водзө төдмавны. мыйон оло кывбур тэчысь мый сійөс майшөддө. Оз кө пыдисянь вөрзөд гижөдыс мөдлысь лов да съөлөм, - сійө абу поэзия.

Весиг велөдысь чайтө, мый кывбур небөггыс (гижысылөн) артмө быд во. Оз тай! Со нин кык во кольөма Евгений Валерианлөн “Узтөм войяс” петөм бөрын.

Важмө горзысь, ошкысь-ышнясысь гижөд. Оз важмы - мортнога олөмсө мортногөн помтөг восьтысь, кор шуд и дольдлун вежөны өта-мөдөс, кор лирика геройс виччысытөм эмоцияяс ойдөны.

Поэт гөгөр оло-лолалө чужан му. Поэт йитчөма ывлавывкөд. Вөр-ва узь и дзордзалө, чөв оло и дөлалө, гымалө и вугралө, өвтө чөскыд дукөн и зэрө, вошө югыд ру пытшкө и шогалө, ышлолалө и зарнион сотчө, виччысьшө шойччөг и оз гора шыав, буалө и дзельгө, көдзалө и синтө ёрө, шыалө и сотчө, лымьялө и пемдө, велөдө - туйөдө и оз ылөд, шонтө и кынтө, пемдө и мойдө, ызылө и лөсталө, бөрдө и сьөкылдунсө зырө...

Вөр-ва пиас мян чужөма и быдмөма. Быд коми сикт кытшалөма лөз вөрөн.- Помтөм на да өткодь енэжтасыс быдлаын,- видзөдлан да ышловзян : олам на! А сытөг, эськө, бырам. Вөр-ва сетө вын,- асьсө олөмсө, олан гажсө сетө ... Сійөн и озыр Е.Козловлөн поэзияыс, мый уна ногөн чужан мусө, вөр-васө ылдөддө. - Сюрө тай кывйыд! И тайө сэтшөм кывьяс, кодьяс бара на висьталөны мянлы чужан мулөн ловья мич йылысь. Найө тырөсь поэглөн эмоцияөн, кутшөмкө пытшкөс вынөн. Тайө кывьяслөн йөзкодялан да метафора нога сюрөсыс быд шуөмө вөрзөдө мянлысь съөлөм, шемөсмөдө виччысытөм нимөн да вөчөмөн (“дзордзалө”, “дөлалө”, “ышлолалө”, “буалө”...). Пейзаж вермө дольда өтвывтчыны лирикалөн геройкөд. Пейзаж вермө, мөдарө, дзугны, уськөдны сылысь кыпид лов шысө. Пейзаж вермө лоны веськодьөн мортлөн шоглы - гажлы. Пейзвжлысь став тайө мөгсө Евгений Валериан (Е.Козловлөн псевдоним) видлө аслас кывбурьясын: “ он көсйы, да пычкас нюмтө и ар, и “пөлян гум”, и “нывьья нөрысыс мөдлапөлас”, и югыд войыс, көн шызьөм лэбачьяс оз и вугыртлыны ...

Шань кывбурлөн медся дона пасыс - шыясөн ворсөм, кывбурлы, инструменглы моз, ворсан “рөмсө” сетөм, сёрникузяын фонетика өтсөгөн петкөдланторсө төдчөдөм да серпасалөм:

Югыд руын тыным,
Гөгөр шы ни төв.
Бергөдчөма кымынь
Тыө мөдлапөв.

Ыд-ып-ын-ым

шы ни

ымынь...

ыө.

гө-гө-

гө

Лиbö:

И сөмын здукъяс кежлө жугавлывлө лөнь,
Вой улө лэбачьяс кор модлапөлө вуджөны...
лө-лы-лө-лө
лө-лэ-ла-лө...

Сидз жө:

Лэбөны лэбачьяс дунвылө, лэбөны,
Лэбөны йөз муө вой вылыс юсьясөй...
лэ-лэ-лу-лэ
лэ-лы ...

Нөшта на:

Оз на узьсы...
Гурийв восьта өшинь -
Сорса йивсө мелань мыччас лөм.
Югыд гожея войыс ылжыд көшөн
Зіля кисьтө видзьяс вылө лөнь.
йы, ла-лө,
йы
йу... йы ля-лө-лө,

да:

...Сөмын талун чуймөдін тэ-то пө нин
Кутшөм югыд корья төдса топольным!...
та-тэ-то. ын-ун-ін-ин,
то-то ым

Гижысьлы быть колө кывъясесь музыка кывны да тэчны сыланногөн, мед кывбурыс артмас. Кывбурын унаысь паныдасьысь өти шыа слогъясыс быд разө ладмөдөны гижөдсө, сетөны сылы мылалун либө төдчөдөны ритм, либө шуавныс шаньджык өдөб. Мукөддырйи тайө - пытшкөс рифма, мукөддырйи - ассонанс... Кывбур тэчысь корсьө тайө лөсьыд шыяссө, йитө кывъяссө найөн, унаысь шуөмнас төдчөдө лөмторлысь жугыльлунсө либө серпаслысь югыдлунсө. Отгшөтш такөд, дерт, вөсьсө лирика геройлөн пытшкөс олөмыс, өнйя, тайө здукө - руыс...

Евгений Валерианлысь кывбурьяссө он вермы прозаөн висьтавны, - тайө лирикалөн медся туяна пас: сэтшөм мортногаөсь сэн сьөлөмкылөмъяс, мый ловнад гөгөрвоан, сьөлөмтө босьтө, а тэнад кывйөн висьтавтөм олө. - Оз и ков "содержаниетө" лыддьөдлыны, тешкодь идея да тематө корсьны! Те-маыс - морт олөм. Идеяыс - (ёна кө нин колө!) - морт нога олөм. Содержа-ниесө кыліс нин тай сьөлөмыд пөзтөн аддзөм лөсьыд форма пырыс... Лири-каыс - сьөлөмкылөм и эм, чувство, эмоция. Сійө овлө нор и кыпыд, дивуйт-чысь и лөг, жугыль и долыд, радейтысь и вежөтгысь - кымын пөлөс сьөлөмкылөм вермө лоны мортлөн - сійөн и озыр прамөй лирика.

Лөня нимкодясьö пöтэ ас гөгөр вөр-ванас:

Бара вөр-валысь унсö ме торка ...
Лөньюм Важ-Эжва рөмпöштан кодь.
Лөзов рөма да тэрыб моторка
Вундö - поткөдö ваыслысь от.
...Тувсов пуясöй - веж петö тi вылö
Видзöдлыны да сины бур вой.
Öти здук сөмын кежала дi вылö,
Льюм сэн дзордзалö - тувсовья мойд.

Мортногөн ловзьöдö вөр-васö пöтэ: “унсö торкө”, “сиö бур вой”. Ыд-жыд лөнью юсö öткодялö рөмпöштанкөд, öткөд. Шыасьö пуяс динö, ёртьяс динö моз. А мед ёна сьёлөмыс орö “тувсовья мойд” - дзордзалысь льюм пон-да. Вөр-васö ловзьöдөм вылын тэчөма уна кывбур (“Сөрмөм тулыс”, “Бара вөр-валысь унсö ме торка”, “Ме сулала, ньөжйөнник лыддя...”, “Экспромт”, “Войтва талун...”, “Сэтөр”, “Гожся сиктын”, “Көнкө лөзьюгыд ты йылын”, “Тувсов кадö Эжва вылын”, “Локтис көдзыд”, “Номйис нин омöля...”, “Войлань”, “Ёрт - ёртыслы набояс ниртчөны пыжъяс” ...).

Образьяс кывбурьясын мичаөсь, аслысногаөсь:

Кутшөм дөсьыд, вөдөм, зрөм бөрын
Ветлөддлыны чөла арся вөрын -
Шы ни төв...
А ликмөдчан кө пуö,
Зарни корьяс гылалөны муö.
Бобувьяс моз лэбалөны найö,
Кокни төвру нуö визлөг сайö.
Волас мөвп,
Но - кокньыдик да гуся,
Кызди тайö корьясылөн усьөм...

Пытшкөсса рифма аллитерация да ассонансьяс бара ладмөдөны сiдз нин мича кывбур öтсö:

лө-лө-рө-рын
лө-лы- ла-рын...

А тайö зэв сьөкыд да шоч тор - лөсьöдны звукопись - шыясөн ворсөм. Мукөд гижысылысь сийөс он и адзыв.

Кор шондi петö энж вылö
Да асья колип юргө-сьылö,
Сэк ставыс гөгөр - быгтльö мойд.
А едждыд руыс сьлö, сьылö,
Да ичöt, унзиль дзоридз вылö
Сэк кольö югыд лысва войт.
Ме адза дзоридз вывелье сийөс,
Да босьта видзчысьтөмөн киö-
Мед оз көть жугав асья мойд.
И сэки казтыштас мен сийö
И тэньыд юсь кодь мелi кияс,
И тэниад синмысь лысва войт ...

Кутшом мича откодяломьяс: “юсь кодь, мелі кияс”, “гөгөр - быттьо мойд”! Ми кылам лирика геройлысь кыпид русо, ывланас нимкодясьомсо. Но мойд кодь мича асыв, вөр-ва сайсьыс тыдало вунодлытом нывлон мыгöрыс : киясыс, синьясыс, синваыс. Тайо кык пöвста образьяссö гижöма абу сöмын долыд сёлöмкылöмөн, - югыд нор казтылом содтö, ыдждöдö эмоциялысь рөм. Мойдыс быд мортлы - вöвлытом шуд. Юсьыс - сөстөм мичлөн символ.

Тшöтш “унзиль дзоридзыс”, “асья колипыс”, “асья мойдыс”, “тэнад синмысь лысва войтыс”- сэтшöм мича образьяс! - Мойд кодьöсь асьныс метафора сора эпитетьясыс!

Эмось Евгений Валерианлөн, дерт, и сюжета кывбурьяс, кодöс поэзо “прозаён висьтавын”. Но найо быд пöрйö ылалöны лирикасыс, мыйкö воштöны. Воштöны сёлöмшогё, сылысь вынсö. Орчöдам “И тэон сöмын лолала...” юкöнысь медводдзасö да мöд кывбурсö. Кыкнанныс шаньöсь, радейтана мортлы сиöмторьяс. Но медводдзаыс - мед көть и кылö сэн збыль да сөстөм сёлöмкылöм, мед и чуксасьöм сэннэ эм, век жö - “висьтасысь” кывбур. Висьтасынась сэн весиг асьныс шыясыс. Анафора 2,3 да 4 строфаясын ышöдö, ёнмöдö шумьяссö. Тайо войсö “исковтом кадкөд” öттшöтш ловзьöдö кывбурын герой. Мöд строфаын сийö бара лөсьöдö аллитерация:

И лөб зэв югыд и дөсьыд,

И бара на кыпавлас лов.

Мед олөмад мыйкө оз дөсяв,

Но сы йылысь öннэ - оз ков ...

ло-лө-ла-ло-лө-лө-лы ...

Висьтасын-юөртанкодь интонацияыс таннэ век жö ыджыдалö.

А мöд кывбурыс, мед көть и сы йылысь жö, мед көть чөв-лөнъ жö, но оз висьтась. Таннэ струна моз злалöмны сёлöмкылöмьяс, герой сöмын найос кылö и ворсö на вылын. 8 стихысь витыслөн öтсеяма заводитчöмыс ёнмöдö интонациясö “Ме тэнö радейта!” горöдöмöдз, но кывбурыс лөнъя помасьö куим чутөн ...

“Пыр ёнджыка и ёнджыка”, “и югыда”, “и сөстөма” радейтö морт нылöс, “и тэон сöмын лолала”, - оз пов шуны сийö...

...Но сьökыд тэнö öзтыны,

А сёлöмьяслы быыс

сэтшöм колана...

Медся вылын шы бöрас тайо усяна кывьясөн помасьö лөбовтан кывбур.

“Прөстгöй сьыланкыв” тшöтш зэв лөнъ кывбур, кызди и быгъ колö лоны покпорнлы. Гожея рыглөн поэзия, öткөн чувствуйтысь мортлөн состояние таннэ ыджыдалöны. Таннэ збыль сьыланкывыын кодь ритм: кывбурыс корö аслыс музыка. Но, мöдногөн кө, ачыс музыкатөггыс зэв ритмичнöй, мыла. Нель стопаа ямб

тшөктө корсыны дженьыд, стөч кывьяс. Герой тэчө кывбур,- чукөртө кывьяссө
войт бөрся войт. Оз вөрзья, виччысьө, мед оз вош ни өти шы. Өд найөс колө
вайны радейтанаыслы, кор артмас наысь мөйд...

Метафораяс “шуда сьөлөм быд шылы восьтөма”, “мед оз пьсьт лөсьыд
шыыс, коді лист выдө войтыштас”, “уна сэтшөм войт- сыысь чукөрта ме
мөйд” да быд 3-өд стихын перенос вөчөны кывбур-монологлысь мылалунсө.

Радейтчөм йылысь кывбурьяс - виччысьөмлөн подвиг. Быд мортлы сійө
шөдө сьөкыда.

“Кор зэр шыкөд ладмөдчө лөнь”, “бурджык, вай олыштам чөв”, “кывзы
вай шыяссө сэсся”, “өтчид... тэ казтыштан.: шуда и вөлөма кад”, “пыр
кодөскө вичча”, “и эска - вот локтас”, “оз кө во - кодлы бисө ме видзи!”, “И
помтөг ме вичча”, “медся сьөкыд- виччысьыны...”

“Но ме төда - виччысьыштны колө”, “и ме тшөтш вугыртыштли эськө”,
“оз лэпты бисө менам сьөлөм, оз тырмы талун мыйкө сэн”, “регыд юнь
төлысь локтас му йөрьясө...”, “но ме некытчө ог мун - өшинь восьтөма”,
“век жө эска - виччысьыштны колө”. - Унджык йөзыс, лирика герой моз,
нэмсө виччысьөны радейтчөмсө, асьыныс шудсө. Сійөн и лыддян помтөг
та йылысь шань гижөдсө, өткодялан поэтлысь сьөлөмкылөмьяссө да ас-
сьыд. Сійөн и инмө нор лирикаыс, сійөн и босьтө мяняс.

Зэв элегичнөй, созерцательнөй “Войлань” кывбур. Пейзажлысь аслысья-
ма олөм - ланьтөмсө лирика герой кылө-казялө быд здукө. Тайө абу кос
наблюдение. Тайө вөр-ваыскөд өттшөтш геройлөн гашкө “ворсөдчөм” и
“лөньөм”, и “узыны лөсьөдчөм” и “шөгө усьөм”, “и шойччөм”. Тани зэв уна
пейзаж-серпасалөм мича торьяс посни: “сөдз зарни бисерьяс”, “шөгө уси
оль”, “сөдз руын ёль”... “чусалөма шылыд тылөн рөмпөштан”, “жугавлывлө
лөнь”, “лэбачьяс шөпкөдчөны сьөд пуяслөн вуджөрүн”, - тайөс лөсьөдөма
тайө гижысьөн, сылөн киөн, сылөн видзөдлас пыр, сылөн кывсө кылөмөн.
(Тан бара шыяса инструментовка. Медводдза строфаас:

сө-се-сө-сө-са-си-сө-сө /
гөр-бөр-вөр...

Но ми кылам нин мый, тайө тшөтш мяня асланым оляяс, сөдз руяс, жу-
галөм лөнь! Лыддысьысь йитчө поэткөд, көсйө чувствуйтны сы моз!

...Усьө лым,
Помтөг усьө и усьө.
Бара төдлытөг мыччысис төв.
Лымйыс энэжсянь лэччө уль ру сорөн,
Быттьө мамөным сысьялө йөв.

Көсьян шуны: тайө менам сикт йылысь, горт йылысь, менам мам йы-
лысь! Коми нога, дерт. Лымйыд тай мянянджык, Войвыладджык усьө...

Куимысь шуёмыс - повторсьыс унджык нин. А повтор пыр нин ёнмөдö
впечатлениесö, ыдждөдö, төдчөдö, тшөктö казавны, кывны, пасйыны...

Бытгö ставсö на бергöдны позьö,

Бытгö мянöс нинöм оз кут.

Бытгö воас на эновтлöм позйö

Тувсов лэбач моз вошлылöм шуд.

Тайö нин быть войвывса олөмкылöм: "тувсов лэбач моз" "эновтлöм
позйö..."

Муыс кынмас и помасяс шляча,

Ставыс лоö зэв югыд и бур...

"Кын муыс" "югыдкөд да буркөд" өткодясьö,- дерт нин, тайö войвывса
да коми образ. Кузь еджыд төлыд мян сөстөм, югыд и бур сёлöм гаж. А
лэбачыд быд тулыс кольö шоныд саридзьястö да век жö быть воö садьмысь
тувсов Войвылö. И сылөн тайö муыс - сёлöм гаж.

Евгений Валерианлөн весиг медся нор кывбурьясас эм лача. бурсö вич-
чысян подтекст, поэт некор оз усь сёлöмнас, сйö век кылö, төдö: "ставыс
лоö зэв югыд и бур".

Мир Алёны Ельцовой

Лирика неисчерпаема потому, что в стихотворении - целый мир поэта во всей его неповторимости, субъективности. Лирика интересна, как интересен человек с его чувствами, страстями, как его взгляд на жизнь, его ощущение мира.

Студентке Алене Ельцовой совсем мало лет. Она невелика ростом и худышка. Но откуда в ней столь взрослые чувства? Каким образом она так глубоко ощущает жизнь? Мал ещё жизненный опыт, но она чувствует беду, неправду, беспорядок. Как поэт она неразъединима с родной природой: родина для неё - и муза, и адресат лирики, и спасение от жестокого мира. Потому стихотворения грустны, задумчивы, печальны. Одиночество - главное чувство. С ним - любовь, ожидание, разлука ... Не только с человеком - с родным краем, его лесом, снегом, небесами, с родными реками, озёрами, рябиной.

Самые интимные стихи девочки обращены к родной земле. Даже стихи о любимом особенно трогают нас благодаря обязательной "природной", пейзажной, метафоричности: "С тобою мы ...", "Жизнь", "Загадка", "Где уж теперь отыщешь ...", "Заблудшие души", "Когда-то", "Колдун", "Я ждала тебя как Бога", "Мы с тобой - две реки", "Дорога в твоё сердце", "Здесь моё счастье", "Солнце", "Написать бы стихотворение".

Но и посвященные самой природе произведения полны чувства и нежных образов ("Деревья", "Берёза", "Будь счастлива, родная земля", "Осень в серебряных слезах", "Заря", "За рекой"):

Своё отражение увидела звезда
В ночном озере. Яркий огонь
Вслед за солнцем побежал
За лесной остров ...

Или:

...В лодке-долбленке плыву, плыву ...
И вот уже оживает незнакомая земля.
И утренний тлеющий уголь
поднимается спросонья,
И туман испуганно тает ...

Образы необычны, новы, никогда прежде не виданы:

...Ну а, может быть, ты (северное лето) и не уходило
В белой постели уснуло лишь ...

Автор олицетворяет время года, явление природы, небесное тело, давая им сильные неожиданные человеческие качества, действия, желания: "лето уснуло в белой постели зимы"; "звезда увидела себя в глади ночного озера"; "туман испуганно тает"; "рыдает жалобно мост под ногами"; "серебряной чешуей, холодными слезами плачет осень"; "разламывает небо дорога молнии"; "беззвучно дремлет тишина"; "вкусно спросонья зевает земля"; "как бездомная кукушка, мечется ветер"; "убегающего времени мчится огненнокрылый конь"; "из большого ковша жизнь разливает в чёрное небо звёзды

счастья”; “горящую рябину холодными руками собирает медленно летящий снег”; “я, как лебедь, летать хотела уметь ...” “И нежной быть, как приречная ива; от горя месяц бледен, - в лице нет кровинки - Ночного неба цветок скоро растает, исчезнет; всё ждёт тебя, моё солнце, слышишь? Почему щёки твои пылают, а в сердце мороз?”

Это своя, неповторимая образность, новый взгляд на мир, в котором живёт лирический герой и видит этот мир со свойственной ему наблюдательностью. Здесь нет штампов, привычных словосочетаний. Есть лишь знакомые по родному фольклору ритмы, интонации, повторы: “Осталось, осталось счастье в холодных речках”

или:

....Лето северное ...

Из-за туч показалось чуть,

Убежало, неказанно, незнаемо,

Подождало бы хоть немного ...

Зачем бегать хочешь в других краях?

Мы улавливаем интонации народных плачей, причитаний. Обращения, притяжательные формы, лексические повторы обнаруживают эту близость.

Из сорока стихотворений Алёны, мною прочитанных, более двадцати можно считать законченными и зрелыми. Подстрочный авторский перевод порой не отражает глубины чувства и тонкой образности родной речи в оригинале. Законченность и зрелость - в силе эмоций, в точности слов, их выражающих, в чувстве родной речи, в мастерстве построения краткого и законченного целого.

Лирика Алёны Ельцовой (а это именно лирика, излияние чувств, а не бездушное стихотворство) ритмически богата и разнообразна. В ней мы найдём все размеры силлабо-тоники (за исключением анапеста). Но и тонику мы увидим в тринадцати случаях из сорока. Это говорит о том, что поэту не чужды новые ритмы, смело нарушается классический размер ради выразительности и силы чувства (“Печаль”, “Качели”, “Треснувшее стекло”, “Северное лето”, “Я снилась вам”, “Я вольной птицей хотела родиться ...”, “Выйди, дорогая ...”).

В стихотворениях можно встретить недосказанность, усиливающую эмоции (“С тобою мы ...”), “новеллистический”, неожиданный финал (“Всё ещё впереди”), надежду (“Берёза”).

Нередки пессимистические завершения (“Заблудшие души”, “Когда-то виденный сон”, “Печаль”, “Треснувшее стекло”). Иногда чувство нагнетается натуралистичным подбором слишком мрачных слов, рождающих соответствующую картину (“чёрный ворон”, “чёрная тень”, “чёрный платок”, “чёрные крылья”).

Внутренний мир поэтессы исполнен грусти, драматизма. Стихотворения музыкальны, ритмичны. но хотелось бы видеть чуть больше оптимизма! Хотя грешно требовать этого от юного человека в эпоху, предшествующую, может быть, вселенской катастрофе, но и нельзя же, чтобы всё было минорно ...

Но настроение - грусти ли, радости - обязательно пронизывает каждое стихотворение, и это привлекает читателя.

В стихотворениях А.Ельцовой нередки строфы, отдельные стихи, уводящие от предмета в сторону, как бы затрагивающие иную тему. В этом случае автор должен иметь мужество отказаться от такой строфы, стиха ("Жизнь", "Где уж теперь отыщешь?..").

Слова и детали, так много говорящие о чувстве лирического героя и о взгляде автора, точны, насыщены эмоцией, смыслом, изысканны, подлинно народны, одновременно сложны и просты. В стихотворении "Колдун", например, хорошо передано мироощущение коми. В нём отчётлива фольклорность, оно воспринимается как сказка. Настроение создано глубоким, "многослойным" олицетворением природы.

Такие утонченно-эмоциональные метафорические стихотворения неподвластны никакому пересказу. Человек, фетишизирующий в художественном произведении тему и идею, здесь не найдёт ничего, кроме дух слов: "тема природы". Но сказать так - значит ничего не сказать о "бесшумном сне тишины", о "прикорнувшей (к реке) ночи" и "золотой чешуе её крыльев", о "сверкающем и мерцающем поясе реки". "Насупленный умолкший лес", "шаловливый бессильный ветер", "объятия ночи", "зевающая сонная земля", "мягкое одеяло тумана", "тёмные оковы сна" - всё это творения самого большого колдуна, который вышел в мир испытать свою силу. Избирательная власть тропов потрясает. Их обилие не угнетает, а, наоборот, удивляет и радует возможностями родного языка, забытого и "презренного".

Есть стихотворения с прекрасными образами, но незаконченные: то с "лексическими", то с "синтаксическими" неточностями или противоречиями. Но всё это поправимо и элементарно по сравнению с тем, что юная девушка так зрело чувствует, так владеет родным словом, так естественно и "просто" мыслит совершенными, сложными образами.

Морю и миру (О лирике Юлия Фомина)

Старая деревянная школа села Объячево была колыбелью многих коми, добившихся своим трудом, любознательностью, стремлением к прекрасному известности в различных науках и отраслях знаний.*

В нашей статье речь пойдёт о человеке, чья судьба сложилась в стенах этой alma mater и которым она по праву может гордиться: Юлий Александрович Фомин, кандидат технических наук, моряк Балтийского флота, выпускник ВВМИУ им. Ф.Э.Дзержинского и Военно-Морской Академии кораблестроения и вооружения им. А.Н.Крылова, профессор, заместитель начальника учебных заведений Военно-Морского флота, контр-адмирал, ныне почётный работник Морского флота России. Таков путь Юлия Александровича Фомина, рождённого в маленькой деревне Кулиге Спаспорубского сельсовета Прилузского района в семье отслужившего моряка Александра Фёдоровича и безжалостно разбитой ревматизмом добросердечной крестьянки Анисьи Ивановны.

Юлий был авторитетом не только для учеников своего класса: старшие школьники, не говоря о младших, и учителя, если не благоговели, то опасались его справедливого немногословного замечания.

На уроках он иногда читал художественную литературу, потому что раньше других усваивал слово учителя, в глубине души, наверно, досадуя, что так много времени тратится на объяснение очевидного ему. Старшие школьницы даже и не помышляли о беседе, знакомстве, романе с Фоминым Юлием, а младшие классы, лишь снизу вверх наблюдали его осмысленную жизнь, всегда посвящённую делу: читал ли он книгу, колот ли дрова, выпускал ли годами (один!) удивительную раскрашенную акварельными красками огромную общешкольную стенгазету "Отличник".

* Таковы первый романист коми Василий Васильевич Юхнин; драматург и актёр Василий Дмитриевич Леканов; актёр, журналист и создатель лучших художественных телефильмов на материале родной классики Василий Асикритович Худяев; один из первых исследователей фольклора коми, кандидат филологических наук Фёдор Васильевич Плесовский; историк культуры, доктор исторических наук Яков Николаевич Безносиков; заслуженный учитель России, математик Павел Яковлевич Оботуров; инженеры-ракетчики Яков Дмитриевич Леканов и Геннадий Иванович Стрекалов; полпред торгового флота страны в Финляндии Пётр Степанович Трофимов; журналист Шулепов Михаил Васильевич; бывшие министры культуры и сельского хозяйства республики - Екатерина Дмитриевна Леканова и Владимир Степанович Латышев; заведующие авиастроительными лабораториями в Москве Геннадий Николаевич Стрекалов и кандидат технических наук Василий Иванович Оботуров; бас Большого театра страны, лауреат многих международных конкурсов Владимир Ванесев ...

Юлий и его брат Борис, будучи сыновьями моряка в старших классах носили белую "форменку" с синим матросским воротником в белую полоску (тогда для всех было серьёзной проблемой что надеть). Это ещё более выделяло братьев Фоминых среди других (Борис, будущий офицер артиллерии и ракетных войск, был младше Юлия на 3 года). Зов моря они чувствовали с юных лет.

Заботы о хлебе насущном в те годы были главными. Юноши много времени отдавали осеннему лесу. Корова "требовала", чтобы всё лето продолжался сенокос. Лугов не давали, сено собиралось в перелесках и неудобьях. Дрова для долгой зимы также были предметом заботы мужской части семьи. Для Юлия это было препятствием к самообразованию. После школы он уехал в Бакинское военно-морское подготовительное училище, а затем учился в Ленинградском Высшем военно-морском инженерном училище им. Ф.Э.Дзержинского, что расположено в Главном Адмиралтействе. Там он и проявил себя как поэт. Многие номера и развороты многотиражной газеты училища были посвящены его творчеству ...

Стихи Юлий писал уже в школьные годы. В создаваемой им стенгазете они были всегда. И это тоже отдаляло Юлия от одноклассников. До сих пор они вспоминают его имя с предельным уважением, относятся к нему как к совершенно недостижимому идеалу тех своих лет. Сегодня это звучит, наверно, странно, но это так. И это очень важно, когда в твоей жизни был такой человек. Не в отсутствии ли живого идеала беда сегодняшнего молодого человека?..

К сожалению, сегодняшние средства массовой информации редко показывают положительные примеры. А книг молодыми читается всё меньше, и для раздумья времени не остаётся, соблазны теснят и торопят, многие ценности, к сожалению, переоценены.

А между тем ценности всё те же: благородное стремление к знанию, труд самообразования и физический, сила воли, целеустремлённость. Это - главные ценности. Другие - природные или вторичны ...

Так каковы стихи Юлия Фомина?

Вот совсем новое стихотворение Юлиа, посвящённое родному краю.

Как блудный сын перед тобой стою

*Моей малой Родине -
Республике Коми.*

**Бываю я в других краях
и знаю:
есть замечательные земли
и моря.
Но ты прекрасней всех,
республика лесная,
Незабываемая Родина моя!
Твои леса и реки величавы.
И в житницу страны
твой вклад не мал.
Богатый и надёжный
тыл державы,
опора ты страны,
как и Урал!
Твои Россию защищали парни,**

приняв оружие
из материнских рук.
Ты отчий край,
ты север легендарный
где сохранился с давних пор
российский дух!
Я никогда не забывал
и знаю,
ты первая моя Любовь
И Колыбель.
Прости за то,
земля моя родная,
что задержаться
на твоей груди
я не сумел.
Прости, что выбрал
Я в морях дороги
и много лет
к тебе не приезжал,
хотя и знал всегда
твои тревоги
и никогда
о них не забывал!
Я с земляками-ветеранами
не спору:
как Блудный Сын
перед тобой стою ...
И, воздавая должное
И морю,
вновь воспеваю
красоту твою!

Стихотворение передаёт нам взволнованное состояние лирического героя. Мы слышим человека, обращающегося к родной земле, чувствуем одические нотки, её прославляющие. Каждая строфа завершается гордым возгласом: восхищением, заверением, извинением, обещанием, благодарностью родной земле. Чувство любви ведёт лирического героя к краю, где родился, необыкновенному и незабываемому. Стихотворение празднично, может быть немного даже парадно ...

Но Юлий Фомин - лирик. В молодые и зрелые годы - лирик элегичный и серьёзный. Сегодня, пожалуй, неувлимо ироничный:

Встаю, когда поют в деревне петухи.
Но при попытке быстренько обуться
уже суставы неохотно гнутся,
уже не просто завязать шнурки!

Что за напасть? Когда всё пронеслось,
И золотая молодость, и зрелость?
Совсем недавно мне вовсе хотелось.
Совсем недавно мне всюю моглошь!

Неясно, за какие там грехи
Бог милосердный посылает старость?
Мне лишь о прошлом сожалеть осталось,
Когда поют в деревне петухи!

Поэзия Юлия Фомина с годами становится всё более глубокой по чувствам, по мысли, по выразительности языка.

На пир зимы приехал я сюда
послушать вьюг февральские молебны.
Через заснеженный еловый лес волшебный
Меня ведёт дорога в никуда!

В одежде новой леса не узнать.

В густых ветвях таинственная нега.

Алмазами сияющего снега

Зимы меня встречает благодать!

Ручей под снегом чуть журчит во рву.

А я, любуясь рошей, мне знакомой,

дышу её спасительным озоном

и радуюсь, что на Земле живу!

В его поэзии – обилие метафор, а метафоричность - всегда достоинство языка, особенно лирики: пир зимы, вьюг молебны, лес волшебный, дорога в никуда, одежда леса, в ветвях нега, алмазы снега, зимы благодать ... Метафоры - в первых двух, пейзажно-созерцательных, строфах. Третья строфа - “для слуха и обоняния”. Здесь констатация ощущаемого, итог-радость, и для этого - “простые слова.”

Архаизмы (молебны, волшебный, нега, благодать) создают величественный образ молодой ещё зимы, свежей и чистой, они возвышают и её, и миро-восприятие лирического героя, ощущающего радость белизны, как пир ...

Образно наиболее богаты осенние стихи. Вот “Прощание с летом”.

Тускнеет праздничного лета яркий храм.

Отава зеленеет на покосах.

Обильнее и холоднее росы

перед восходом солнца по утрам ...

По вечерам у озера свежей,

Пунцово зреют гроздья у рябины.

Под ветром пляшут листья у осины

в тревожном ожидании дождей!

В лесу слышнее голоса ворон.

А голос птишек певчих умолкает.

И над полями благодушно тает

далёкой церкви колокольный звон!

С теплом без сожаления проститься

Не знаю я, сумею ли, смогу ль?

С ненастной осенью мешает примириться

в моей душе сияющий июль!

Опять есть предмет не только для нашего глаза, но и для слуха (“пляшут листья у осины”, “слышнее голоса ворон”, “а голос певчих умолкает”, “тает колокольный звон”) ... Но если бы этим подбором фраз ограничился поэт, не было бы тех полнокровных образов, что в стихотворении. А это, мы видели, зеленеющая отава, обильные холодные росы перед восходом, свежесть у озера, пунцово зреющие гроздья рябины, пляшущие листья осины под ветром, тревога ожидания дождей, благолепно тающий далёкой церкви колокольный звон, ненастная осень, сияющий июль...

Таковы прекрасные эпитеты, таковы детали. Через эти точные образы мы ощущаем воздух осени, её своеобразную тишину под звуки лепечущих осин и крики ворон. Видим и даже осязаем тяжесть спелой рябины, странную в пору увядания зелень отавы, затаённые песни птишек “в тревожном ожидании дождей”. Не только этот миг, но и неизбежно наступающие будущие холода ощутимы в стихотворении... Опыт жизни, опыт искушенного поэта позволяет соединить всё это в 4 сжатых строфах, обдав нас грустной атмосферой осени: **“Тускнеет праздничного лета яркий храм”...**

В лирике Ю.Фомина не встречается дактилическая стопа, и в русском фольклоре дактиля не было. Нет ли прямой связи между устным творчеством певцов из народа и Юлия? Какая хорошая идея - он шел не от книжных источников, он самовыражался, не зная книжной науки о стихе, он интуитивно шел по стопам русских бардов и менестрелей.

Почти всегда в последней строфе стихотворения Юлий уточняет состояние своего лирического героя (а чаще всего это - он сам): “а я...”, “не знаю я...”, “меня не покидает ощущение...”, “всегда готов я...”, “я буду знать...”, “вирипрыжку я иду...”, “меня смущает...”, “хочется верить...”, “мне лишь о прошлом сожалеть осталось...”. То есть размышление о природе, о состоянии мира, об окружающем всегда открыто и явно сопряжено с состоянием лирического героя - по сходству ли, по контрасту ли...

Стихотворения Юлия - элегии. Они невелики, чаще в 3 строфы, самое большее - 5. Они отвечают всем родовым признакам лирики: сжаты, напряженны, эмоциональны, субъективны. Напряжение не всегда явно, оно может быть глубоко скрыто, затаено.

**Загрустившие нивы печальны.
Ярче звезды в октябрьской ночи.
Как природы подарок прощальный,
пробиваются солнца лучи.**

**С каждым днём холоднее рассветы.
С каждой ночью тревожнее сны.
Бабье лето - прощание с летом
в ожидании скорой зимы.**

**Жёлтый лист забивается в двери
Дождь осенний, шурша, моросит.
Но по-прежнему хочется верить!
И по-прежнему хочется жить!**

И снова атмосфера осени, настроение, навеваемое ею: грусть природы, грусть человека, предощущения, признаки скорой зимы: печальны нивы, ярко звёзды, лучи солнца - подарок, холодные рассветы, тревожные сны, прощания, жёлтый лист, дождь шуршит... Наступление зимы неотвратимо, оно уже происходит: “с каждым днём”, “с каждой ночью” ...И в конце - снова “я” - антитеза в синтаксической анафоре:

**Но по-прежнему хочется верить!
И по-прежнему хочется жить!**

Она оптимистична, т.е. это антитеза и по настроению.

Большой цикл стихотворений, посвящённых "морю, городам и людям", создавался многие годы учёбы и службы в рядах Военно-Морского флота. Этот цикл - под эпиграфом автора:

**Хотел иметь бы
Каждый день я
возможность
самовыражения!**

и ироничных слов Феликса Кривина:

**Как правильно замечено когда-то
и подтвердилось в наши времена,
поэзия должна быть глуповата
у умных.
- У остальных - умна!**

Стихотворения молодых лет полны энергии, упорства, желания не покоя, а движения, желания завершённых дел ("Остаёмся молодыми", "Весенняя Россия", "Севастополь", "Хосте", "Заполярная грусть"). Встречи с неожиданно хорошими людьми, поздравления друзьям, офицерам, академикам; любование Родиной в любом её облики: "в туманной радуге дождей" ("Весенняя Россия"), из окна вагона, пересекающего страну. Образы российской снежной вьюги, метели "во всей азиатской мощи", "заполярного солнца", холодного мая - волнующи, предметны, осязаемы:

**Я радуюсь тебе, холодный май,
Быть может, потому,
Что сам родился в мае,
Как майский жук,
Я май воспринимаю,
И представляю май себе,
как рай.
Идёт весна. Весна идёт.
Цветастым кружевом
в лесные дали манит.
По поймам рек черёмуха цветёт,
Неповторимым запахом дурманит ...
Идёт весна.
Стоит холодный май.
И не здоров я.
И не очень молод.
Но пусть черёмуха
растопит сердца холод.
Прошу тебя,
свою мне руку дай!**

В стихотворениях, украшенных звукописью, то и дело мы слышим названия мест, дорогих для военного моряка, географические знаки: Гольфстрим, Мозулд, Малахов курган, Аполлонова пристань, Мекензиевы горы над бухтой, их

воинская слава, Балтика, Бахчисарай, в земле которого лежат герои Крыма, и “розы знаменитого Фонтана пылают, как рабыни поцелуй” ...

Севастополь - особая любовь поэта. Святая слава южной твердыни, строгий и величавый облик города-крепости, неприступного и гордого, поднявшегося снова из руин, “вдохновляет поэта”, “пьянит как крепкое вино”, “врачует сердце”. В этом городе прошли годы уже сухопутной жизни поэта - на поприще наставника молодых военных моряков.

Но причалам, шаландам, реям, штурвалам, приказам, рейдам, склянкам, штурмам - поэзии моря - он остаётся верным.

**Суровость вашей службы
всем известна.**

На кораблях,

вдали от берегов,

вернее дружба,

Люди – интересней,

Нежнее и надёжнее любовь ...

Хорош весенний лес

в своём уборе.

Великолепны

горные цветы,

ласкают взоры

крымские хребты.

Но сердцу моряка

роднее море.

... Море забыть и разлюбить, как и отчизну, невозможно! Море - лейтмотив многих стихотворений.

Поэт покоряет терпение и верность жён моряков, ждущих на берегу залива. Так было всегда, но “ждать мужей и верить им они отнюдь не разучились”.

Поэт способен “познать глубины человеческой боли”, переживая вместе с другими людьми их беду (“Вдовья тоска”, “Северянкам”, “Хирургической сестре”, “Женщине - педагогу”, “Красота”). Одинокая сестра милосердия, отдавшая молодость своему призванию, - что может быть светлей этого жизненного подвига? Или женщина-педагог (“Вы дьявольски умны и Вы красивы, но увядаете, любви не испытав ...”).

Есть у Юлия стихотворение “генеалогия”, которое заставило бы задуматься каждого из нас. Открывается оно эпиграфом:

- Кем был твой предок, чем занимался? Как его звали? - Не знаю!

Диалог

История для нас

Запретный плод.

Генеалогия

нас тоже не волнует.

Однако, что же с прошлым

нас связует?

Где начинался

наш плебейский род?

... Все деревенские погосты
обойду.
Могилу деда
вряд ли я
найду!

Всё таится в суровом прошлом, в том числе и причины того, что поколение не знает своих предков. Мучения совести присущи думающим: неужели потому, что целые общественные формации стоят между дедом и мною, нет перед ним у меня обязанностей, чувства долга, чести, просто - памяти?

Немало в рукописном сборнике ироничных стихотворений, адресованных самому себе, друзьям, коллегам, женщинам. Предметы этих стихов - красота северянок и готовность лирического героя ради них к подвигу и самопожертвованию; сожаление, что не стал признанным поэтом; шутливые упрёки лицедейству женщин, сожаление о наступающей зрелости, а затем и старости.

Но самая образно богатая глава - "Любимым женщинам".

Любовь прославляет Юлий и в шутку, и всерьёз. Одно только перечисление названий говорит об эмоциональном богатстве этой лирики: "Не судьба", "Ты позвони", "Божество", "Награда от Бога", "Плохо без тебя", "Других не вижу", "Любовь неземная", "Музыка", "Верность", "Не уезжай", "Твоё лицо", "Богиня", "Вулкан", "Твоё благоуханье", "Я вновь с тобой наедине", "Возвращение", "Она не стынет", "Люблю, тоскую, жду", "Вечер" и др.

Нежные и пленительные женщины, объятия их "прелестных рук", "голос женственный и чистый", "половодье чувств", "благоуханье", "бездонная глубина, дарованная богом." и "прелесть древнегреческой богини" сводят лирического героя с ума. Но он трезв, благодарен и счастлив. Найденные им слова просты и прекрасны: "снега окраины заневской на древних куполах"; "звездомерцающие ночи... у самого синего моря"; "слезами падают дождинки, оплакивая твой отъезд"; "вино страстей с тобой не расплескали..."

Интимная лирика Ю.Фомина необыкновенна своим поклонением женщине, открытым восхищением ею, словами, будоражащими женское сердце. Часть этой лирики, скорее, не подлежит обсуждению. Но другая её часть - то, что общечеловечно, "общеженственно", то, о чём мечтает каждая женщина, представляет несомненный интерес. Интересна, наверно, она и мужчинам.

Но это личные стихотворения, почти все они - воспоминания. Прелесть их - в конкретности, и в то же время - в обобщённости, потому что любовь - чувство, которого достойны все, хотя не каждому оно дано, "лишь тем, кому очень повезло".

Почти все стихотворения - обращение к любимой, почти всегда это монолог. Почти все они заканчиваются восклицанием. Последняя строфа всегда - неумолимый итог, шутливая мораль, доброе пожелание, усмешка, нравуочение с улыбкой, просьба, мольба... Этот восклицательный знак не случаен и не напрасен. Он говорит о мироощущении поэта, об оптимизме его, несмотря ни на что, о надежде, вере и любви. Вот несколько финалов:

... Ещё раз
молча восхититься
редчайшей, Вашей
Красотой!

... Кому нужна
хорошая погода,
когда любовь
оборвалась?

... Любовь не умерла,
Она застыла
От долгих и
мучительных
разлук!

... волосы твои
хочу поглядить,
вновь тебя
увидеть и услышать!

... Как и ты,
Я покоя не знаю,
раз не вижу тебя
и не слышу!

... Пока волнения
сердца не забылись,
ты подожди меня,
ты подожди!

И, гордясь
Кандалами твоими,
с удовольствием
их волочу!

... Я встречу эту
в сердце сохрани,
а ты не будешь
ни грустить, ни плакать

... Можно обожать
всю жизнь кумиры,
если им, кумирам,
нет цены!

... Не грусти,
Я от тебя уеду,
но оставлю
сердце у тебя!

Как к жаркому костру
холодной ночью,
тяну я руки
к сердцу твоему!

Блажен, кто в этой жизни
хоть однажды
бывал такой любовью
опалён!

... Твои объятия
очень мне нужны!

... Хочу воспеть
Я две любви, два чувства
любовь к отечеству
и к женщине любовь!

И всюду он, восклицательный знак! Иногда это хочется воспринять, как вызов или объяснение, или клятву, или вывод, или призыв, или обещание, восторг, мечту, жалобу... Последняя строфа итожит, нейтрализует драматизм или счастье встречи, она относится, пожалуй, не к монологу лирического героя, она - от автора. А драма - налицо:

“Встретиться нам видно, не судьба”, “Сражен тобой”, “Забудь меня не сразу”, “Мне нужно сердце твоё”, “Ласточки”, “Вино страстей мы выпили до дна”, “Не состоялось жажды утоление”, “Выпить лунный свет”, “Не скоро раны сердца заживут”, “Нет отклика у Вас моим слезам”, “Последнее касанье”, “Увожу твоё благоуханье”, “Ты на глазах похорошела вдруг”, “Я не вижу тебя и не слышу”, “Далёкому костру”, “Ты не сердись и помни обо мне”, “Ты подожди меня, ты подожди...”, “Воспоминания о встрече берегу”.

И радостное обожание каждый раз налицо. А ведь это лишь одни названия строф любви...

Как и в юности, Юлий, чья жизнь была богата серьёзными событиями и серьёзным делом, сбывающимися желаниями, семейным счастьем, выбранной для души работой, болезнями, утратами, силой любви, - всё ещё целеустремлён, полон энергии, желаний, замыслов:

Страстями и идеями кипя,
приятно песней или гаммой,
сонетом или эпиграммой
иметь возможность
выразить себя!

Наперекор течению течения,
уметь трудиться
до седьмого пота
на благо людям,
на работе

иметь возможность
выразить себя.

Прекраснейшую женщину любя,
к знакомому склоняясь
изголовью,

уметь унять тоску
любовью

и, как мужчине,
выразить себя!

Хотел иметь бы каждый день я
возможность самовыраженья!

У него свой почерк, своя манера выразить себя в стихах. И здесь - желания, энергия, воля. И здесь - тонкое чувство языка. И здесь - лёгкая самоирония. И здесь - слегка отстранённый итог, мечта, в осуществимости которой он и не сомневается. И здесь - неунывающее восклицание!

Когда вдруг кажется - мелодия допета...,

и начинать не хочется другой,

когда слабеют ноги без причины

и почва из-под ног уходит,

когда так хочется

вдруг подвести итоги

и отойти под сень осин...

Вдруг неожиданно

весёлой жизни пир

тебе лукаво снова

улыбнётся

И ты спокоен снова:

старый добрый мир

с тобой не умирает;

остаётся!

("Мир со мной не умирает")

Вот оно, подтверждение внутренней силы человека! Вот оно, жизнелюбие, надежда на радость!

Но шквальный ветер разгоняет тучи,

и вновь кругом свежо синее даль

И растворяется печаль.

Ох, до чего же мы живучи!

- обращается он к "Другу". Но знает, что в самые трудные дни надежда - лишь на свою любовь к жизни, на свою волю:

**... Когда в тебе живое всё убито,
в себе самом,
спасения ниши!**

Всю жизнь это ему удавалось. Своей устремлённостью к цели, своей силой воли он обязан самому себе:

**... Иду вперёд.
Иду, пока могу,
Как и экспресс ...**

("Экспресс")

**Мне говорила мать,
что я рождён
под распутившейся
берёзой майской ...
Я под берёзой
в форме адмиральской
хотел бы быть
и погребён!
Я терпеливо
бремя жизни нёс...
Как голос Родины,
и мил, и ведом
был неумолчный шум
родных берёз,
за мною всюду
поспевавший следом!**

**Когда умру,
отправляюсь в мир иной,
усну, как многие уснули,
берёзы снова
будут надо мной
лиственной шуметь
в почётном карауле!**

Так неотделима родина малая от мироощущения человека, давно покинувшего её, посвятившего себя делу защиты страны, своей большой родины!

Поэзия Юлия Фомина не получила пока широкого общественного признания. Она известна только узкому кругу специалистов и неширокому кругу его друзей и почитателей. Только небольшая её часть опубликована в различных сборниках, альманахах, журналах и газетах, в основном стихи, посвящённые морю.

Большая часть стихов неизвестна даже членам его собственной семьи, что подтверждает справедливость известного библейского выражения - "нет Пророка в своём Отечестве".

Очень редко Юлий выступает со стихами и публично. И только в основном перед курсантами мореходных училищ, будущими судоводителями и судомеханиками и перед преподавателями этих морских учебных заведений.

Сам Ю.Фомин себя серьёзным поэтом не считает и публиковать свои стихи не стремится и не торопится.

Будучи офицером флота, он всю жизнь был занят серьёзной государственной военно-морской службой и занимался поэзией только в немногие свободные часы.

У него, по всеобщему признанию, гуманитарный склад ума, но в силу сложившихся жизненных обстоятельств он получил не гуманитарное, а высшее инженерное образование и занимался не филологией, а точными науками.

Тем интереснее то небольшое (около 600-700 стихотворений), что им написано.

И, кто знает, пройдут годы, сменятся поколения, уляжется пыль времён, и, может быть, написанные им стихи будут ещё востребованы и найдут своего благодарного читателя!

Ведь у рукописей есть замечательное свойство - они не горят! И иногда находят умного и благожелательного издателя!

Пособиен статьяяс дінö юалöмьяс

1. Мый сэтшöм “программной гижöд”?
 2. Кор абу рифма, мый сэки артмöдö кывбурсö?
 3. Тима Вень кывбурьяслөн аслыспöлöслун.
 4. Небдінса Витторлөн кывбур мичöданторьяс.
 5. Кызди артмö Витторлөн серамбана кывбур?
 6. Небдінса Витторлөн виль олөм вилö лачаыс кутшöм?
 7. Мый сетö кывбурын вөр-ва серпас?
 8. Н.Фролов (Сук Пармалөн) кывбур гижан кужöмлун.
 9. Н.Фролов лирикаын детальяслөн мог.
 10. Мыйын коланлуныс нор гижöдьяслөн?
 11. Виль лирикалөн виль пасьяс. Томлулөн сюсьлун, олөмлөн шог йылысь тöдöм.
 12. В. Кушманов кывбурьясын образьяслөн виччысьтöмлун.
 13. Е. Козлов кывбурьяслөн аслыспöлöслун.
 14. Е. Козлов кывбурьясын шыясөн ворсöм.
 15. Верстьö мортлөн мелі, нор сёлөмкылöмьяс.
 16. Йöзкодялөмьяс том поэтесса кывбурьясын.
 17. Нор сёлөмкылөмлөн уна пöлөс “рөмьяс”.
 18. Поэзиялысь мичлунсö кылөм ышöдö оз сöмын литераторс.
- Ю.Фоминлөн олөм йылысь кывбурьяс.
19. Ю.Фоминлөн нывбабаöс да радейтöмсö ыдждöдлан изобразительность да выразительность.
 20. Кызди тыдовтчö поэтлөн олөмсö радейтöмыс?
 21. Мыйысь тэчсьö морт ловлөн культура?
 22. Мыйла тэ дивуйтчан, нимкодясян кывбурьясөн?
 23. Мый дивитан кывбурын, кывбур чукöрын?
 24. Элегиялөн выныс мыйысь артмö?

Лирика йылысь вöзьяна гижöдьяс

1. Анализ одного стихотворения. Л., 1985.
2. Гинзбург Л. Я. О лирике. М.; Л., 1964.
3. Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966.
4. Латышева В.А. Поповлön поэзия школаын. "Сылисны бабаяс, сылисны..." // Пахорукова В.В. Коми литература велöдан методика. Сыктывкар, 1988. С.31-41.
5. Латышева В.А. Теория литературы при анализе лирического произведения (4-10 кл.): Методические рекомендации. Сыктывкар, 1989.
6. Латышева В.А. Литература коми. Сыктывкар, 1995.
7. Латышева В.А. Коми литературалön историясь. Сыктывкар: СГУ, 1995.
8. Микушев А.К. Коми литература и народная поэзия. Сыктывкар, 1961.
9. Образцы изучения лирики: Учеб. пособие: В 2 ч. Ижевск, 1997.
10. Пospelов Г.Н. Лирика среди литературных родов. М., 1976.
11. Сильман Т. Заметки о лирике. Л., 1977.
12. Тiма Вень. Коми поэзия формаяс йылысь // Менам гора тулыс. Сыктывкар, 1980.
13. Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958.
14. Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969.
15. Эткинд Е. Разговор о стихах. М., 1970.

Коми лирика гижӧдъяс видлалӧм (классикъяс да современникъяс)

Учебной пособие

Редакторы С.Б.Свигова
О.В.Коснырева

Компьютерный макет Е.Б.Кокшаровой

Подписано в печать 30.12.99. Печать офсетная.

Бумага тип. № 2. Формат 60x84/16.

Усл.п.л.4,6. Уч.-изд.л. 4,8.

Заказ № 160. Тираж 200 экз.

ИПО СГУ.

167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.

Латышева Вера Алексеевна – доктор филологических наук, профессор финно-угорского факультета СыктГУ. С начала 60-х гг. написала и опубликовала более 150 литературоведческих работ. Из них наиболее значительные: «Зарождение и развитие драматургии и театра народа коми» (1968), «Конфликт и характер в коми драматургии» (1973), «Драматургия

и жизнь» (1985), «Миян кывным мыйӧн мыасяс» (1991), «Современная драматургия коми» (1994), «Повесть коми 70-х гг.» (1996) и многие другие.